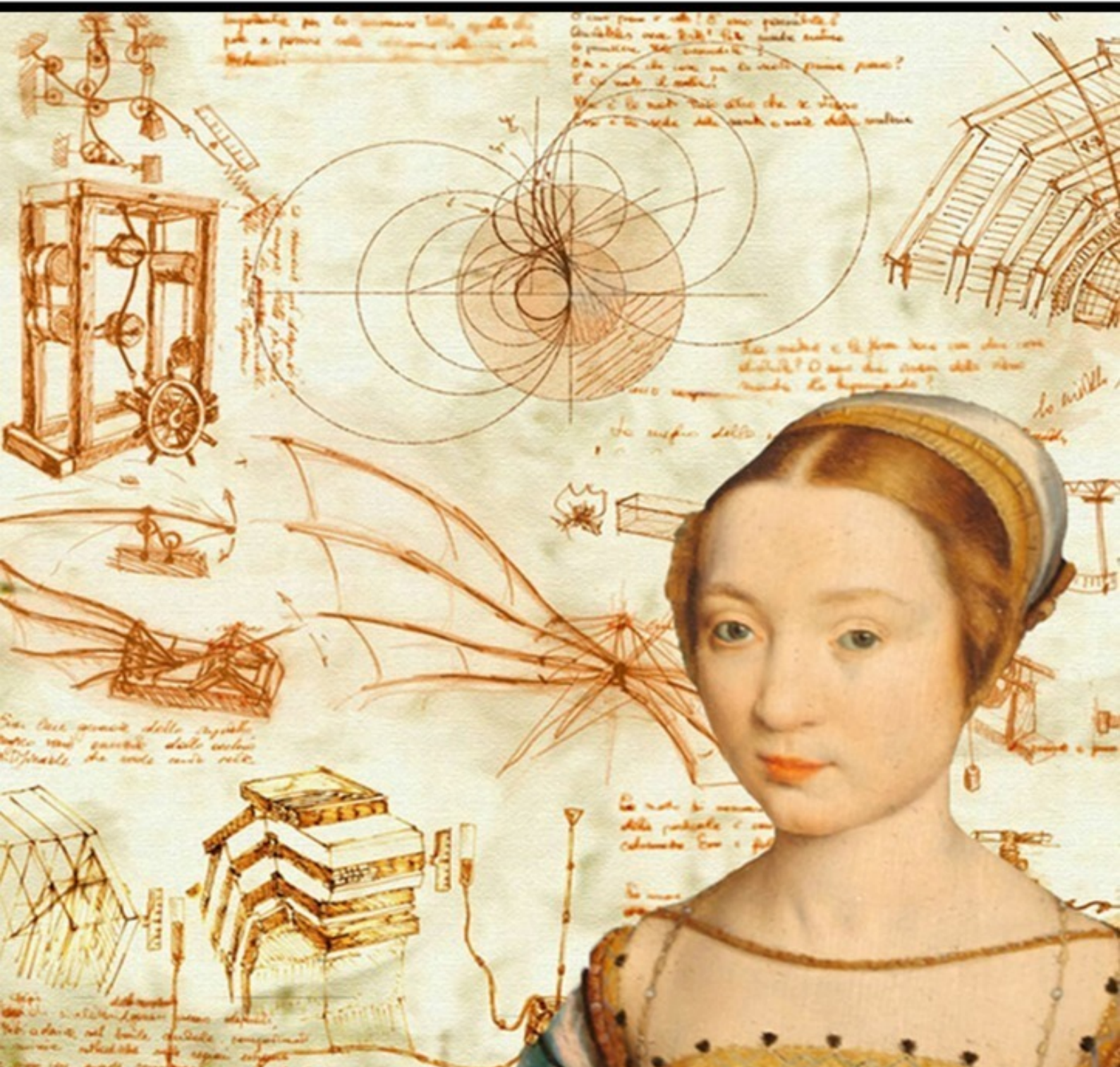

АННА СОЛЕ

Последний портрет Леонардо

Анна Соле

Последний портрет Леонардо

«Издательские решения»

Соле А.

Последний портрет Леонардо / А. Соле — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747748-6

Три последних года своей жизни Леонардо да Винчи провел во Франции, где писал портрет Клод Французской и работал над своим главным кодексом. В то время в жизни Европы очень значительную роль играл орден гульярдов. Леонардо, будучи гульярдом, взял за основу старинные научные труды и создал свою систему знаний, которая позволяла видеть будущее. Этот кодекс перед смертью да Винчи распорядился спрятать в одноименной церкви в Бретани...

ISBN 978-5-44-747748-6

© Соле А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Германия, Мюнхен. 2005 год	8
1517 год. Франция. Замок Амбуаз	23
2006 год. Германия	34
Январь 1517 года. Замок Клу-Люсе	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Последний портрет Леонардо Анна Соле

© Анна Соле, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В один из дней июня 1518 года, в послеполуденный час, когда вкусный обед съеден, но ещё не переварен, голова опущена на мягкие подушки в прохладной комнате с плотно закрытыми ставнями, тяжёлые веки сомкнуты, а в разморенном сознании трепещут сладкие сны, бретонский город Фужер был разбужен криками: «Король Франциск едет к нам. Карета с саламандрой! Король, король!». Не открывая глаз, эшевен* города сир Гильберт повернулся на другой бок и снова погрузился в своё сновидение – он стоит во дворе замка Амбуаз, где вместе с десятком рыцарей ожидает приезда короля, который вот-вот должен вернуться с охоты..., – и в эту секунду до его плеча дотронулся слуга:

– Мессир, проснитесь. Король Франции едет к нам. Поспешите...

Сон слетел тут же. Глава города сел в постели и растерянно огляделся по сторонам.

– Кто кричал? – недоумённо спросил он.

– Мальчишки, мессир. Они видели карету короля. Она едет к нам.

– Так... Ну-ка, приволоки мне сюда одного из них, – приказал он.

Слуга кинулся исполнять поручение, однако ватага ребят уже успела переместиться на соседнюю улицу, где с завидным старанием продолжала баламутить её обитателей. Добежав до угла, он увидел вдали стайку сорванцов и крикнул что есть мочи:

– Жан, быстро беги сюда, получишь денье!

Возгласы моментально смокли, вся компания остановилась, развернулась и трое счастличиков, наперегонки, кинулись к нему. Схватив за руку самого первого – рыжего отпрыска сапожника Жака, слуга потащил его в дом.

– Мальчишка доставлен, мессир, – доложил он.

Распахнув дверь спальни, глава города набросился на парня с вопросом:

– Быстро говори, что ты видел.

– Карета, мессир. Большая, красная, отделанная золотом, и на ней герб Франциска. Я то знаю, что саламандра это...

– Карета ехала одна? – перебил его эшевен.

– Да, мессир, совершенно одна.

– Никого рядом с ней не было?

– Нет, точно нет.

– Хорошо. Значит это не король Франциск. Король никогда не путешествует один, рядом с ним всегда свита..., – размышлял вслух Гильберт. – Скорее всего, это придворный, которому он даровал право пользоваться своей каретой.

– Беги, беги, – отослал он Жана, и тут же закричал на слуг:

– Чего стоите? Быстро подавайте рубашку, чулки, что там ещё.

Через две минуты мессир Гильберт выскочил из дома, на ходу просовывая руки в подставляемый слугой камзол. Задыхаясь и проклиная тот миг, когда приближённому короля пришла в голову мысль без предупреждения нагрянуть в Фужер, он бежал к южным воротам – туда, где как на ладони была видна дорога, ведущая в город. Здесь уже стояло человек тридцать бретонцев – таких же как и он сам: раскрасневшихся, потных, одетых в наспех застёгнутые парадные платья и камзолы. Открыв рты, смотрели они на виновницу сегодняшнего переполоха, которая поворачивала внизу, величаво демонстрируя свои округлые, пурпурного бархата бока, герб короля Франции, а позолота сверкала на солнце так, что зрители, застыв в восхищении, были не в силах оторвать глаз от столь ослепительно-роскошного зрелища.

Карета приближалась.

Шёпот смолк, плечи распрямились, толстые животы втянулись, истощенные старческие груди, наоборот, выкатились вперёд, а пара лошадей, обдав близко стоящих горячим влажным дыханием, остановилась прямо напротив эшевена.

Казалось, настал тот долгожданный момент, когда можно было удовлетворить своё любопытство и увидеть приехавшего незнакомца, но, увы, тяжёлая пурпурная ткань, плотно занавешивающая окна кареты, портила всё дело. Знатные господа и простые бретонцы начали протискиваться ближе, отпихивать друг друга, приседать, вытягивать шеи, – всё для того, чтобы посмотреть... даже не на самого влиятельного господина, а хотя бы на цвет камзола того, кто находился сейчас внутри кареты короля Франции... Всё тшетно. И вдруг дверца приоткрылась, какой-то монах, оказавшийся точно напротив, склонился в низком поклоне, выпрямился, сделал лёгкий шаг вверх и исчез внутри. Дверца захлопнулась прямо перед носом сира Гильберта, который только-только успел расчистить себе дорогу локтями. Карета, как ни в чем не бывало, поехала дальше.

Это было сродни поражению!

Во-первых, имя господина, который только что въехал в город, так и осталось неизвестным. Во-вторых, почему простой монах, на которого никто не обратил внимания, оказался ближе к придворному короля, чем они – высокородные дворяне и богатые буржуа? И в-третьих, этот незнакомец даже не счёл нужным выглянуть и поприветствовать их!

В растерянности смотрели оскорблённые жители города на удаляющийся от них красный, широкий зад, но вскоре опомнились и побежали (а некоторые поковыляли, опираясь на руку преданного слуги) следом за каретой. Не прошло и пяти минут, как большая половина любопытствующих, устав от постоянной беготни сегодняшнего дня, совершенно выбилась из сил. Вперёд были посланы слуги с приказом: догнать, смотреть во все глаза, услышать и доложить.

А карета, тем временем, проплутав по улицам города, остановилась прямо напротив церкви Сант-Леонард. Из неё легко выскочил монах, затем тяжело, медленно, опираясь на протянутую руку, сошёл пожилой человек.

Когда запыхавшиеся подмастерья и дворовые выбежали на площадь перед собором, они увидели широкие плечи, короткий красный плащ, ниспадающие до плеч седые волосы незнакомца с могучей осанкой, который тотчас исчез за тяжёлой дверью церкви в сопровождении монаха...

Спустя всего лишь полчаса добрая половина Фужера буквально гудела, обсуждая приезд королевского художника и архитектора Леонардо да Винчи в их город. Знаменитый итальянец провёл десять минут в келье простого монаха, перекинулся несколькими словами с настоятелем церкви, кивнул мессире Гильберту и, больше ни с кем не поговорив, не приняв ничьё приглашение отобедать, уехал из города спустя чуть более четверти часа после того, как въехал в него.

О чём известный художник, любимец короля, благодетельствованный им, мог разговаривать с простым монахом церкви Сант-Леонард? – этот вопрос не выходил из умов жителей Фужера несколько дней. Ответ мог знать только один человек – молчаливый и строгий служитель церкви Александр. Но он ни в какую не хотел отвечать на чьи-либо вопросы и лишь сверкал чёрными, как уголь, глазами на постоянно донимающих его любопытных горожан. В конце концов от него отстали.

А вскоре, за повседневными заботами, бретонцы и вовсе забыли о знаменитом итальянце, неизвестно зачем приезжавшим в их город...

Германия, Мюнхен. 2005 год

9 часов утра. Ресторан с видом на площадь Мариенплац.

Роберт Хайнц любил завтракать в этом ресторане. Кожаные диваны, горячий ароматный кофе, свежавыжатый холодный апельсиновый сок, свежие французские круассаны и свежая пресса. Хорошее начало утра.

Роберту 45 лет. Он не высок ростом, плотный, спортивного телосложения. У него рано поседевшие волосы, которые, собственно, и выдают его возраст, серые, глубоко посаженные большие глаза, прямой нос и мягкий овал лица. Одет Роберт в джинсы и светлый свитер, и то и другое без модных выкрутасов, классического покроя и безупречного качества.

Завтракает он в этом ресторане почти каждое утро на протяжении двух лет, всегда ровно в 9 утра, независимо от того, будний это день или выходной.

Сегодня, намазывая на круассан масло, Роберт отчего-то вспомнил своё детство. Как тогда, мама, улыбаясь, протягивала ему маленький кусочек чёрного хлеба, посыпанный солью, и не было в целом свете ничего вкуснее, чем этот хлеб. Сейчас он мог себе позволить любой деликатес из любой точки мира, вот только той радости, которая была в мальчишеские годы, увыв, он более не испытывал. Можно купить прекрасное вино, свежайшее, наивысшего качества мясо, морепродукты или сыр, но ни за какие деньги нельзя приобрести свет маминой улыбки, полной любви. Любви наивысшей, истиной, незаменимой, не знающей условностей и оговорок. Как давно умерла мама и как сильно – до сих пор, спустя 20 лет! – её не хватает.

Роберт вздохнул, сделал большой глоток кофе, открыл газету и начал читать. Непрерывающиеся битвы за металл, сплетни, скандалы, назначения, прогнозы, которые никогда не сбываются, он уже совсем было хотел отложить газету в сторону, но решил просмотреть последнюю страницу. На глаза ему попалось объявление: «Продаётся старинный замок в Германии. Замок XVI века, хорошее состояние, 8 комнат, оранжерея. Площадь поместья 4 гектара. Красивый вид. Недалеко от Штарнберга». Дальше была написана цена. Он старательно пересчитал нули, их было 6, и, отложив газету в сторону, задумался.

Если бы пять минут назад, ему задали вопрос: «Собираетесь ли Вы в ближайшее время приобрести недвижимость?», он бы с уверенностью ответил: «Нет». Но как-то помимо его воли, неожиданно, замок увлёк его. Ещё некоторое время он ковырялся в своих чувствах, удивляясь этому внезапно вспыхнувшему интересу, а затем позвонил своему помощнику и дал задание договориться о просмотре.

Замок.

Начиналось всё с парка, основательно заросшего, почти превратившегося в лес, но запущенность эта не отталкивала, а, наоборот, привлекала вкуче с большой территорией, с чистым прозрачным воздухом, необыкновенной тишиной, клёнами и лёгким туманом, укутывающим землю белёсыми волнами. Когда он шёл по дорожке, было странное чувство родства. Словно спустя много лет, случайно, он встретил своего одноклассника – того, с кем раньше сидел за одной партой, о котором сегодняшнем не знает ничего, и не виделись они лет тридцать, но вдруг, столкнувшись, узнали друг друга сразу же, и волна тепла и близости поднялась внутри. Роберт, видевший впервые эти высокие белые стены, стройные, несколько обветшалые шпильки, был уверен, что перед ним старый, давно позабытый, но от этого не менее любимый им, друг. Его сердце подсказывало: «Это твоё, родное. Это твой дом, о котором ты не знал ранее, но сам того не ведая, шёл к нему...».

А замок радовался – Роберт это видел точно – сегодняшнему дню, утру, солнцу, жизни, и ему, своему возможному хозяину, так долго и напрасно ожидаемому. И Роберт тоже стал наполняться этой радостью, переступил порог дома и... осекся.

Никакого «хорошего состояния», как было написано в газете, не было и в помине. Всё вокруг сыпалось, обваливалось, на полу валялись фрагменты лепнины и штукатурки, двери висели на одной петле, стекла были разбиты.

Агент показывал ему одну комнату за другой – одинаково запущенные, нежилые, мёртвые, а Роберт, с большим трудом сдерживая всё возрастающее разочарование и злость, молча шёл за ним. Когда они поднимались на второй этаж, он нечаянно сделал шаг в сторону от натоптанной центральной части лестницы, и его правая нога провалилась в дыру. Крик боли он сдержать смог, с усилием выдернул ногу, но, наступив на неё, понял – вывихнул. И в эту секунду ему дико захотелось бежать отсюда. Прямо сейчас, не раздумывая, позабыв о красивом парке и высоких белых стенах, какое уж там, к чёрту, чувство тепла – покинуть побыстрее этот дом и не вспоминать более, как страшный сон! Но умница агент стал его уговаривать:

– Пожалуйста, герр Роберт, посмотрите ещё одну комнату. Последнюю. Я Вас уверяю, Вы не пожалеете. Давайте, я Вам помогу дойти...

– Нет, я сам, – хмуро отрезал Роберт и, пересиливая боль в ноге, сильно хромя, пошёл следом.

Это был кабинет. Он вошёл,.... очнулся минут через десять, поймав себя на том, что, разинув рот разглядывает изумительные росписи на деревянных панелях, в которые были «одеты» все стены кабинета от пола до потолка.

Красота XVI века, не помпезная и вычурная, а классическая, строгая, органично сочетающая в себе благородную мудрость наших предков и изысканность, явилась перед ним там, где он и не чаял увидеть что-то хорошее – в доме, немилосердно разрушенном временем. Кабинет был выполнен в одной цветовой гамме – тепло-коричневой, и более сотни полутонов и оттенков, начиная от темного, почти чёрного цвета состаренного временем дуба, до нежнейшего светло-золотого, – восхищали. На панелях, словно живые, взлетали, щебетали и играли друг с другом бойкие канарейки и щеглы. Повсюду были нарисованы листья всевозможных форм и фактур, россыпи ягод и цветы: розы, незабудки, лилии, маки, гвоздики, ирисы, астры. Непревзойденная миниатюрность и изящество каждой детали, неповторимость сюжетов, заполнивших такое большое пространство, поражали мастерством исполнения. И по контрасту с этой мельчайшей, тонкой прорисовкой на стенах, ближе к окну стоял огромный дубовый стол, а под потолком находились массивные, потемневшие от времени балки. Казалось, даже воздух здесь был другим – спокойным, несуетным, располагающим к раздумью и созерцанию.

Именно тогда Роберт решил для себя определенно – следует покупать.

Агенту в этот день он не сказал ничего, взяв несколько дней на раздумье. А потом начал торговаться. Истово, жёстко, упорно, отстаивая каждый евро. Это была его месть за враньё насчёт «хорошего состояния», за чувство разочарования, за вывихнутую ногу. Когда агент уже чуть не плакал, Роберт успокоился и быстро совершил сделку.

Для ремонта он пригласил самых высококвалифицированных специалистов своего дела – архитектора, дизайнера, реставратора и лучших мастеров по отделочным работам. Первое, что было сделано, – это обновлены и укреплены стены и шпиль замка. Планировку решили не менять, на первом этаже так и остались большая столовая, гостиная с камином, кухня, две маленькие комнаты для прислуги и оранжерея в левом крыле, а на втором находились спальни, ваннные комнаты и его гордость – кабинет. Во время ремонтных работ деревянные панели освежили, заново покрыв их лаком; положили новый паркет и обработали балки под потолком специальным составом. Благодаря стараниям специалистов, дорогой антикварной мебели и элементам отделки, выполненным специально под заказ в Италии, Германии и Чехии, обстановка во всём замке после ремонта выглядела со вкусом и очень естественно. Красивый, строгий интерьер XVI века, но при этом всё техническое оснащение века XXI.

Переехать в свой новый большой дом Роберт смог только спустя год после его покупки.

На третий день своего пребывания, в 9—30 утра Роберт вернулся с утренней пробежки и поймал себя на мысли, что здесь он стал позже вставать.

«Спится здесь намного лучше, чем в городе, – подумал он. – Воздух чище, да и природа как-то успокаивает».

Роберт хорошо позавтракал и поднялся наверх, в свой кабинет. Он с удовольствием уселся в мягкое кожаное кресло и провёл ладонью по гладкой поверхности заново отполированного дубового стола. Сегодня перед собой он поставил задачу разобрать документы, перевезённые им из квартиры. Папки, записные книжки, бумаги и письменные принадлежности лежали в нескольких коробках, стоявших сейчас на полу, а Роберт, открыв ящики стола, стал раздумывать – как всё разложить так, чтобы в дальнейшем было удобно и функционально.

Прошло менее часа, когда все коробки опустели, а на большой темно-коричневой крышке остался красивый прибор красного дерева, отделанный серебром, карандаши, которые Роберт намеревался заточить, и бритва (он не любил точилок, и как привык в детстве к бритве, так назвал техническому прогрессу и продолжал ей пользоваться). В это время зазвонил телефон. Идти никуда не надо было, телефонный аппарат, изготовленный в антикварном стиле, стоял на тумбочке, пододвинутой вплотную к столу. Поговорив около 5 минут, он убрал карандаши и с удовольствием осмотрел идеально чистую поверхность. «Ну вот, наконец, я всё закончил», – подумал он и поднялся с чувством выполненного долга. Но тут же вспомнил, что карандаши так и не поточил. Роберт принялся искать бритву. Несколько раз оглядев стол, он с удивлением обнаружил, что бритвы на нём не было. Любой другой не придумал бы этому никакого значения, предупредил слугу, чтобы убирался аккуратно, и забыл бы о бритве. Любой другой, но не Роберт. Именно внимание к мелочам позволили ему нарастить небольшое состояние отца до хорошего капитала, сохранить его и правильно им распорядиться.

Сначала им был обследован весь пол поблизости от стола – ничего, пусто. Затем Роберт переключился на сам стол. Он доставал ящики один за другим, вынимал оттуда всё содержимое, после этого внимательно осматривал каждый ящик внутри и снаружи, а затем клал папки, бумаги и записные книжки обратно. Когда он дошёл до второго ящика справа и провёл рукой по его внутренней стороне, то почувствовал боль в пальце и увидел несколько выступивших капель крови. Порез был неглубоким, но на всякий случай Роберт вызвал слугу, который быстро обработал рану и тут же ушёл.

«Вот теперь осторожно», – сказал он сам себе. Достал лупу и стал изучать ящик изнутри. Бритва практически провалилась в щель, торчал лишь кончик не более 3-х миллиметров. Сначала он с помощью пинцета вынул её и тут же убрал подальше, а затем его внимание привлекла эта самая щель. Невидимая для простого глаза, она была образована внутренней стороной ящика и узкой деревянной планкой, аккуратно подогнанной по всей длине, а в ширину не превышающей трёх сантиметров. Роберт долго всматривался, не понимая её назначения, затем решил проверить другие ящики стола. С лупой в руке он оглядел каждый из оставшихся пяти ящиков, и вскоре убедился, что ни в одном из них похожей планки не было – везде внутри сплошное дерево. Но в этом, втором справа, она же была!

И тут его осенило: тайник! Именно поэтому нужна эта планка...

Азарт семилетнего мальчишки вселился в него. Бегом он рванул вниз на кухню, где на глазах у ничего не понимающего слуги принялся искать тонкий крепкий нож, которым можно было бы вынуть планку. Прихватив на всякий случай два ножа и кое-какой, по его мнению, подходящий инструмент, Роберт, перепрыгивая через две ступени, помчался обратно.

Вынуть деревянный брусочек не составило ни малейшего труда, и уже через пару секунд тайник, довольно глубокий, предстал перед ним загадочной чёрной дырой. Затаив дыхание, Роберт опустил пальцы в таинственное отверстие... – было страшно, в какой-то миг ему вдруг показалось, что сейчас какое-нибудь ядовитое существо схватит его за руку, – но пальцы кос-

нулись всего лишь бумаги. Ошарашенный, сбитый с толку своей находкой, он вытащил неизвестные листы на свет.

Это были четыре письма. Все на тонкой бумаге, написанные одинаковым красивым женским почерком, каждое из них на отдельном листе. Два письма содержали какие-то пометки и схемы, два другие – сплошной текст, но, увы, ни одного слова Роберт прочесть не мог.

«Это, конечно, не немецкий и не английский языки, – думал он, – скорее всего французский, но... я же ничегошеньки не могу понять!»

Ни строчки, ни слова. Тайник, отдав ему свои бумаги, решил, видимо, над ним посмеяться: «На, возьми, прочесть-то ты всё равно не сможешь...».

Роберт разозлился и, не имея понятия что делать дальше, от безысходности решил ещё раз осмотреть ящик. Он вынул его из стола, перевернул, и из тайника выпал крохотный, не более трёх сантиметров в длину ключик с миниатюрным язычком.

– Вот это да, – выдохнул Роберт.

Зазвонил телефон.

– Это я, здравствуйте, – ответил Роберт. – Вы хотите встретиться сегодня? Срочно? – его взгляд упал на ключ и письма, разложенные на столе. – Нет, Вы знаете, сегодня не получится. Никак, извините. Давайте завтра. Вернее, я Вам сам позвоню, как только закончу..., – Роберт запнулся, и потом договорил, – неотложные дела.

Он повесил трубку, аккуратно сложил письма и ключик в маленькую коробку и вышел из кабинета.

– Михель, выведи машину из гаража, – крикнул он слуге, закрывая дверь кабинета на ключ.

Решение пришло к нему, когда он разговаривал по телефону.

«Как же я сразу не догадался! – ругал себя Роберт. – Дядя, вот кто мне переведет письма и поможет в них разобраться».

Дядя Роберта, Генри Хайнц, любитель и знаток истории, свободно владеющий французским и итальянским, жил в Аугсбурге.

«Ну что же, проведу старика. Да и Генри обрадуется. Историю он просто обожает, а если к истории присовокупить загадку...», – улыбнулся Роберт.

Он быстро спустился вниз, сел в машину, которую слуга уже подогнал к входной двери, положил рядом с собой на сиденье коробочку с письмами и ключом и нажал на педаль газа...

Спустя час Роберт пил чай с дядей Генри в его квартире.

Эту квартиру Роберт помнил с детства, и всё время она была такой – маленькой, уютной, заполненной книгами. С годами здесь ничего не изменилось, разве что заметно прибавилось число книг. На всех полках, захвативших полностью четыре стены и оставивших лишь прямоугольник большого окна, царил хаос из нагромождений, стопок, завалов и пирамид томов различных размеров, тематик, и авторов, написанных на разных языках. Лишь два-три крошечных островка уцелели в этом бушующем море беспорядка, где корешок к корешку, ровненько, правильно, красиво, стояли они, – истинные хозяева этой квартиры. А Генри, их верный и покорный слуга, обожатель и почитатель, не просто не хотел наводить порядок, отнюдь, ему эта разобшенная стихия доставляла явное удовольствие – он ориентировался в ней моментально и точно.

Итак, они пили чай. Роберт – крепкий, уверенный в себе мужчина, и худой старик, с потухшими голубыми глазами. Низко согнувшись над чашкой, Генри дрожащей рукой, не торопясь, помешивал сахар, а Роберт... никогда он не испытывал столько неловкости от собственного тела. Стыдясь своих широких плеч, ровного загара, спортивной фигуры, источающий здоровье, он не знал, как всё это умолить, спрятать на фоне бледности и немощности старика. «Если бы была хоть малейшая возможность поделиться своим здоровьем с дядей!» – неотвязно вертелась у него в голове мысль.

То, что Генри сильно сдал со времени прошлого приезда Роберта (то есть всего лишь за три месяца) явно бросалось в глаза.

Дядя был единственным его родственником и самым близким человеком. В тайне они обожали друг друга, но так повелось, что оба не были приучены к проявлению нежности. Встречи их происходили не так часто, и почти всегда и Роберт, и дядя соблюдали своеобразный ритуал: вначале Роберт приглашал к себе жить Генри, потом тот энергично отказывался – мол, зачем я буду тебе мешать, мне одному больше нравится, я тут сам себе хозяин; а далее наступала самая длинная часть этого миниспектакля – сольная партия Генри, которая состояла из его жалоб на болячки: «поясница болит, голова кружится, и в груди давит, давление постоянно скачет...», но при этом Генри ни в какую не соглашался пойти к врачу.

Сегодня всё вышло по-другому. Роберт не просто приглашал, а настойчиво уговаривал, почти умолял, но дядя не проронил ни слова. Видя, что ничего не помогает, Роберт попробовал надавить на его любовь к чистоте:

– Как ты можешь жить в такой обстановке? Теснота везде, сколько пыли скопилось!

Но тот только устало отмахнулся:

– Нет, Роберт. Стар я, только мешать тебе буду.

– Что ты такое говоришь? Не будешь ты мешать, – взорвался Роберт и посмотрел на обтянутые морщинистой кожей худые щеки старика. – Пожалуйста, Генри, тебе нужен доктор. Хочешь, давай вместе сходим к врачу?

– Да не люблю я их, ты же знаешь, – обреченно вздохнул тот.

Роберт расстроился и даже забыл, зачем приехал. Генри молча мешал остывший чай. Ложка тревожно звякала, громко тикали часы на стене, а Роберт... испугался.

«Я не могу потерять Генри. Мама умерла так давно, отец 10 лет назад, у меня остался только он...», – сердце защемило, и Роберт непроизвольно потер грудь.

– Ладно, ладно, не переживай ты так, – посмотрев на племянника, сказал дядя. Умел он как-то чувствовать его мысли. – Ты зачем приехал-то? Просто навестить или дело какое? – спросил он бодрым голосом.

«Ведь специально делает вид, что всё хорошо, – подумал Роберт. – А сам совсем слаб, на себя не похож. Да и я тоже молодец, забросил старика. Последний раз был три месяца назад... Но как уговорить его переехать?... Черт... Ах, да, зачем приехал...».

Настроения уже не было, про бумаги из тайника он забыл и думать, и теперь гораздо больше его интересовало, как суметь – применить, что ли, силу – перевезти Генри к себе. Тогда бы он смог за ним присматривать и, когда понадобится, пригласить врача... Но ведь дядя не согласится... И Роберт тяжело вздохнул, пододвинул коробочку, вынул оттуда письма и передал ему:

– Вот посмотри, нашёл тут... на чердаке в своём доме. Я французский не знаю, а тут скорее всего на французском.

Генри медленно надел очки и, не торопясь, стал разглядывать бумаги.

Он внимательно перечитал письма несколько раз, потом стал изучать схемы и рисунки на полях, и тут произошло волшебное преобразование. Старик даже начал причмокивать от удовольствия, движения сделались быстрыми и точными, руки уже не тряслись, он выпрямился, и от этого Роберту показалось, даже как-то вытянулся. Всё внимание Генри было полностью приковано к бумагам. Племянник прекрасно знал, что если сию минуту над головой дяди раздастся взрыв, тот его даже не услышит – для него сейчас не существовало ничего, кроме заветных листов. Наблюдая за стариком, Роберт внутренне возликовал – выходит, не так дядя и плох, значит, силы у него ещё остались, и самое главное есть интерес... Прошло около двадцати минут, когда, наконец, Генри оторвался от писем. Он поднял на племянника пристальный взгляд и сказал совершенно другим, сильным и твёрдым голосом:

– А теперь давай всё сначала и подробно. Где ты купил дом, что это за дом и где ты нашёл письма? Только не плети мне небылицы про чердак.

Следующие десять дней после разговора с Генри Роберт не находил себе места. Во время их встречи он, конечно же, рассказал дяде и о своём замке, о кабинете и тайнике в столе, но на все его расспросы: «Что же написано в них, этих загадочных письмах?», Генри отрезал:

– Пока я ничего не хочу говорить, мне надо проверить кое-какую информацию. Как только я во всем разберусь, сам тебе позвоню.

Так Роберт и уехал ни с чем, с трудом сдерживая неизвестно откуда нахлынувшую обиду: он то отдал и таинственные бумаги, и ключик, а взамен не получил ничего, кроме взятого им самим обязательства ждать. Утешало лишь одно – Генри, заинтересованный находкой, явно стал бодрее, а значит, можно было надеяться, что здоровье его хоть немного поправится.

Роберт считал дни, сгорая от любопытства и нетерпения. Почти каждый вечер он снимал трубку телефона и начинал набирать номер дяди, но тут же вешал её назад. Позвонить первым значило бы признать свою слабость, а этого допустить он никак не мог, это было у них, Хайнцов, в крови – все упрямы и никто не сдавался. Но более всего Роберт опасался... нет, не того, что Генри ничего не отыщет – в знаниях и в чутье дяди он не сомневался, – а что найденные им письма окажутся пустышкой, какой-нибудь женской, ничего не стоящей болтовнёй. Столько его надежд и ожиданий в таком случае рухнет прахом!

Генри позвонил на десятый день вечером. Быстро поздоровавшись, он сразу перешел к делу:

– Давай-ка так, сынок. Пришли за мной завтра шофёра часикам к девяти утра. Тебе будет удобно посвятить денёк своему дяде?

– Да, да конечно, – выдохнул Роберт. – Подожди, так ты завтра приедешь ко мне? Навсегда?

– Роберт, охладись. Конечно же, не навсегда. Но разговор будет важный, – и Генри повесил трубку.

Роберт зачарованно смотрел на телефон, переваривая услышанное.

Во-первых, дядин голос был очень энергичным, во-вторых, он придет ко мне...! – а делал он это лишь однажды, двадцать пять лет тому назад, когда я жил в студенческом кампусе. В-третьих, он сказал, чтобы я уделил ему целый день, а это значит... есть что-то стоящее! Определенно, письма должны содержать нечто весьма ценное.

И Роберт побежал давать указания: сначала шофёру, а затем повару – необходимо было продумать завтрашний обед. После этого он сделал несколько звонков и отменил все запланированные на завтра встречи, а следом ему пришла в голову мысль, что неплохо было бы купить любимое вино Генри. Так как магазины уже закрылись, на следующий день утром он поехал на поиски вина. Нашёл его лишь в специализированном магазине в Мюнхене, и, потратив в хлопотах больше часа, Роберт ворвался домой за 10 минут до приезда дяди не столько запыхавшийся, сколько довольный – вино было куплено, а все эти разъезды помогли ему поменьше думать о предстоящем разговоре.

Мерседес медленно подкатил к двери, Роберт распахнул дверцу машины и подал Генри руку.

– Ну, здравствуй, сынок, – сказал дядя, выходя из машины.

Он слегка похлопал племянника по плечу, потом обошел его и стал с явным удовольствием разглядывать замок. Так они и стояли – Генри, любующийся на замок, и Роберт, не сводящий глаз со старика, причём его восторг был не меньшим. Дядя словно помолодел лет на десять – в голубых глазах появились блеск и оживленность, куда-то ушла сутулость.

– Ну-ка, мой мальчик, побалууй стрика, – сказал он. – Покажи мне своё приобретение.

И Роберт начал показывать и рассказывать. Сначала они сделали круг вокруг замка, потом прогулялись по парку и снова вернулись назад. Роберт видел, что так же, как когда-то и он сам, Генри влюбился в это восхитительное архитектурное творение старых мастеров; что так же, как и он, дядя видит радость замка и отвечает ей своей радостью и чувствует в нём своего друга.

Роберт рассказывал, скорее для того, чтобы не сглазить хорошего впечатления, о своих трудностях – в каком запущенном состоянии он его приобрёл, сколько пришлось вложить в реставрацию, какие работы были сделаны, а Генри молчал и кивал. Уже после того, как они вошли в дом и осмотрели первый этаж, дядя бросил фразу:

– Поздравляю тебя, сынок. Ты сделал очень правильный выбор.

И Роберт, прекрасно знавший, что услышать из уст сдержанного и скупого на похвалу Генри такие слова было наивысшей наградой, покраснел от удовольствия.

– Давай попьём чая. Ты, наверное, устал с дороги, – предложил Роберт, приглашая дядю в столовую.

– Ничего я не устал. От чая, конечно, не откажусь, но пусть его принесут в кабинет, – ответил Генри.

«Конечно же, тайник, – усмехнулся про себя Роберт. – Генри просто не терпит его осмотреть».

Роберт сделал распоряжение слуге о том, чтобы чай принесли наверх, и они поднялись на второй этаж. Открыв дверь кабинета, он пропустил Генри вперёд, но дядя, войдя в комнату, даже не взглянул на стол, а напрямик направился к стене, покрытой деревянными панелями. Он всматривался в каждую из них. Наклонялся ближе, и, чуть ли не водя носом по дереву, изучал тонкий рисунок; после делал шаг назад и любовно смотрел на изумительно выписанных птиц, цветы и гроздьё ягод; потом приседал, рассматривая нижние росписи, а следом, запрокинув голову, внимательно вглядывался в верхний ряд. Этаким медленным своеобразным танцем – шаг вперёд, назад, на корточки, и вверх, неизменно сопровождаемый возгласами восхищения:

– Ты только посмотри, Роберт, какая красота... Это же великолепно, – говорил он, цокая языком, показывая на какие-то незнакомые ему ягоды. – А цветы, ты полюбуйся!

Очень долго Генри шел по периметру комнаты, не пропуская ни одной панели, ни одного рисунка, а Роберт ждал. Чай давным-давно остыл, Роберт изнывал от нетерпения и уже более не отвечал на всплески восторга дяди, а тот всё продолжал разглядывать и ахать.

– Генри, письма лежали в столе. Может быть, ты осмотришь стол? – не выдержал Роберт.

– Стол? Что стол? Это не так интересно, как росписи, – отмахнулся он и продолжал неторопливое исследование.

Уже пришел слуга за посудой и Роберт знаками, чтобы не отвлекать Генри, попросил его ещё раз подогреть чайник и принести вторично.

Слуга вернулся с горячим чайником, и только когда Генри осмотрел последнюю панель, он повернулся к племяннику с таким счастливым выражением лица, будто бесценные сокровища висели прямо здесь, на стенах кабинета.

– Ну что же, а теперь можно и чай попить, – потер руки Генри.

Чай пили молча и долго. Роберт всё ждал от Генри вопроса о письмах, но тот не прооронил ни слова, лишь, как казалось Роберту, излишне громко прихлёбывал горячий ароматный напиток. Наконец, допив свой чай, Генри отодвинул чашку и спросил:

– И где же был тайник?

Роберт выдвинул второй ящик стола и с гордостью вынул узкую планку:

– Вот, посмотри!

Быстро взглянув, Генри произнёс, как показалось Роберту, без должного восхищения:

– Да, молодцы. Хорошая работа.

Следом он деловито достал из-за пазухи пакет, в котором лежали письма и крошечный ключик, аккуратно разложил всё это на столе, и вмиг сделавшись серьёзным, начал:

– Ну что же, перейдем к делу. Что касается писем, то три из них в историческом плане ничего интересного не представляют.

– Но, ... как же так? – невольно выпалил Роберт. Он уже настроился на ценную находку, и дядино заявление его сильно обескуражило. – Ты же так долго не звонил, и я был уверен, что в письмах что-то есть!

Генри спокойно выдержал взгляд племянника, сделал паузу, и, улыбнувшись, ответил:

– Во-первых, я сказал почти, во-вторых, не представляют только три письма, но четвертое очень занимательно. Письма, как ты уже понял, написаны на французском языке. Это переписка замужней женщины со своим любовником. Для нас интересно четвертое письмо, вернее, даже не само письмо, а схема на его полях.

– Посмотри сюда, – указал он Роберту на изображение сбоку, где были небрежно нарисованы три лилии, а под ними написано:

Anna

Claude Leonardo da Vinci c'est notre peinture.

Catherine

Marguerite

N 8.18

– Ты видишь, мой мальчик, вот именно это самое невероятное. Ну, как тебе, а? – восхищённо сказал дядя.

Роберт изумлённо вглядывался в схему. Французский он не знал, с историей у него всегда были не лады, но он старательно делал вид, будто пытается разобраться... Хватило его лишь на пару минут, потом он умоляюще посмотрел на своего дядю:

– Генри, прости, я здесь ничего не понимаю.

– Читай внимательно, – запыхтел тот, – все имена указанные здесь очень известны, и ты должен мне сказать не только кто эти исторические личности, но и когда они жили, и как связаны друг с другом.

Роберт только пожал плечами, но поскольку настроение у Генри сегодня было явно хорошим, дядя снисходительно сказал:

– Ну, хорошо, хорошо. Тогда рассказываю я. Надеюсь, что такое королевская лилия, ты знаешь? – Генри взглянул на Роберта, но тот лишь пожал плечами. Тогда дядя фыркнул и продолжил:

– Это герб Валуа. То есть имена, написанные ниже, принадлежат королевской династии Валуа. Причём, если ты посмотришь повнимательнее, то даже ты, не зная французский и являясь полным остолопом, увидишь, что это женские имена.

На «остолопа» Роберт решил не обижаться, а имена действительно прочёл:

– Кажется Анна, Клод, Катерина и Маргарита.

– Да-да, все четверо – королевы Валуа и приходятся друг другу близкой роднёй, – сказал Генри.

– Постой-ка, – воскликнул Роберт, радуясь, что всё-таки кое-что ему известно, – Так это королева Марго!?

Генри поморщился:

– Да, теперь её так называют с лёгкой руки Александра Дюма. Правильно – Маргарита Валуа, королева Наваррская. Смотри, королевы указаны в исторической последовательности. Сначала Анна – это Анна Бретонская, дважды королева Франции, затем Клод Французская, дочь Анны Бретонской и Людовика XII, также королева. Сын Клод – Генрих II, был женат, как ты знаешь, на Екатерине Медичи, которая приходится Клод невесткой. А дальше Маргарита Валуа, дочь Генриха II и Екатерины. Кстати, Маргарита, в отличие от трёх предыдущих

дам, не была королевой Франции, она была королевой Наварры. А теперь, мой мальчик, всё-таки тебе придётся внимательно слушать и запоминать, потому что схема, нарисованная в этом письме, не является обычной головоломкой, и отгадывать её нам предстоит вместе, – немного помолчав, Генри поправился, – а может быть и тебе одному.

– Итак, давай сначала я вкратце расскажу тебе о наших королевах. Первая – Анна Бретонская. Анна была дочерью герцога Бретани Франциска II, родилась в Нанте 25 января 1477 года. С раннего детства она воспитывалась как наследница герцогства, знала латынь, греческий и французский. Да, да, не удивляйся, в Бретани тогда говорили на кельтском языке. И кстати, ты должен уяснить, что в те времена Франция не была единым государством и поэтому огромные земельные владения Бретани являлись для многих лакомым кусочком, которые, в конце концов, стали принадлежать Франции. Анна умела вышивать, была обучена музыке, а с юных лет её приучали к политике. Что вкратце можно сказать о ней? Женщина очень интересная, дважды королева Франции, и заметь, – обычно у королей бывает множество любовниц, но оба супружества Анны являлись исключением из правил. Ни один, ни второй муж в браке официальных фавориток не имели, и более того, по дошедшим до нас сведениям, оба любили свою жену. От первого брака детей не осталось – все умерли в младенчестве, от второго две дочери, старшая Клод, младшая Рене. Умерла в замке Блуа в январе 1514 года.

Королева вторая – Клод Французская. Родилась в 1499 году. В 1514 году была выдана замуж за Франциска I, ей тогда было 15 лет. Вскоре становится королевой Франции. Умерла в возрасте 24 лет, родив семерых детей, один из которых Генрих, будущий король Франции.

Ну, про Екатерину Медичи и Маргариту Наваррскую я рассказывать не буду. Если захочешь, ты и сам сможешь о них многое узнать.

Давай вернёмся к нашей схеме. Смотри, от Клод идёт стрелочка, и написано Леонардо да Винчи – наша картина.

– Подожди, подожди это тот самый Леонардо да Винчи, известный живописец? – ошеломлённо спросил Роберт.

– Да, тот самый. И именно это и есть самое невообразимое. Дело в том, что последние три года своей жизни Леонардо провёл во Франции. Приехал он туда в 1516 году, и умер там же, во Франции в замке Клу-Люсе в 1519 году. Это было время правления короля Франциска I, а его женой была как раз Клод Французская. Интересно то, что чисто теоретически великий художник действительно мог написать там картину. Доподлинно известно, что он привёз с собой из Италии три своих живописных работы: знаменитую «Монну Лизу», «Иоанна Крестителя» и «Святую Анну с Марией и Христом». Все три сейчас находятся в Лувре. Также сохранились сведения, что в последние годы жизни Леонардо занимался анатомией, механикой, астрономией и принимал участие в подготовке придворных празднеств. Он сконструировал огромного льва, который приводился в движение пружинами. На празднике лев сделал несколько шагов навстречу королю, как будто собираясь на него напасть, и когда король ударил его жезлом, тот остановился, грудь его раскрылась, и все увидели белые французские лилии на голубом поле... Но это так, отступление от темы. По крайней мере, о том, что да Винчи писал новую картину во Франции, никаких воспоминаний не сохранилось.

Жил Леонардо, как я уже говорил, в Клу-Люсе – это маленький замок неподалёку от замка Амбуаз. В Амбуазе не то чтобы постоянно (Франциск обожал путешествовать по стране со своим многочисленным двором), но наездами жила и королева Франции Клод. Расстояние между Клу-Люсе и Амбуазом не более мили. И что интересно, Франциск даже приказал прорыть подземный ход прямо к замку, в котором жил Леонардо.

Но вернёмся к нашей схеме. Написано «наша картина». Во-первых, не очень понятно слово «наша» – то ли имеется в виду, что Леонардо писал Клод, то ли то, что он писал какую-то картину во Франции, принадлежавшую владельцам этого замка в то время, когда Клод была королевой. Но я склонен думать, что это был портрет королевы, потому как в истории о ней

сохранилось очень мало сведений, а вот её муж – король Франциск I, очень известная и сильная личность. Во-вторых, даже если предположить, что картина была написана Леонардо, никаких воспоминаний о ней нигде не осталось. И в-третьих, если она действительно была, то где она сейчас?

Итак, всю задачу можно свести к двум вопросам. Вопрос первый: была ли картина? Вопрос второй: если была, то где она может находиться в данный момент?

Да и вот ещё, не менее важное. Я навёл справки. Ты знаешь, что это старинный замок. Я порылся в архивах и нашёл удивительные сведения. Во-первых, когда-то давно здесь жила бывшая любовница короля Франции Людовика XIV, она вышла замуж за владельца этого замка. То есть, если предположить, что Леонардо всё же писал портрет королевы Клод, то она могла, собственно, и привести его в этот замок. Во-вторых, последним хозяином этого имения был некто Эдуард Кауфман, умер он в 20-х годах двадцатого века. Его жена Ольга, заметь имя русское, бесследно исчезла в это же время. Как я понял, примерно тогда же и пропали все бумаги на землю и на сам дом . . . Да, да, не удивляйся. Тебе, кстати, перед покупкой тоже не мешало бы выяснить эти сведения. После документы восстанавливали как невозвратно утерянные.

Роберт ошарашено смотрел на дядю:

– Подожди. Ты хочешь сказать, что у бывших владельцев этого замка имелась никому неизвестная картина Леонардо да Винчи?

Генри помолчал несколько минут, а потом, пожимая плечами, ответил:

– Получается, что так.

– Вот это да! – вырвалось у Роберта, и они оба притихли.

Первым нарушил молчание Роберт:

– И где картина может быть сейчас?

– А вот это нам и предстоит выяснить, – скала дядя.

– Но как?

– Посмотри на схему. Что мы не учли? – хитро улыбнулся Генри.

Роберт уставился на письмо.

– Номер 8 точка 18? – неуверенно спросил он.

– Да, – ответил Генри, и тут же его лицо озарила самодовольная улыбка. Только это никакой не номер. Это предсказание Нострадамуса, – с гордостью сказал Генри. – Да, да Центурия 8, катрен 18. И на расшифровку этого катрена я потратил целых . . . два дня, а это, позволю заметить, очень короткий срок.

Генри достал из кармана свои заметки:

– Итак, слушай, мой мальчик, – он надел очки, и стал читать:

– «Рождённая Флорой будет причиной её гибели.

Некоторое время тому назад выпили молодая и старая,

Ибо три лилии поставят перед ней большую преграду,

И она умрёт от своего дикого плотоядного плода».

Удивительно то, что этот катрен Нострадамуса считается не разгаданным, хотя здесь всё предельно ясно написано. И куда смотрят эти учёные профессора? Ну ладно, ладно. Я думаю, ты догадался, о чём здесь речь? – спросил дядя.

– Нет, я что-то не понимаю, – задумчиво ответил Роберт, – хотя три лилии – это наверняка Валуа.

Генри просто сиял:

– Да, да, ты абсолютно прав. На самом деле всё гораздо проще, чем кажется. Катрен посвящен Маргарите Валуа, которая, как ты знаешь, была первой женой короля Генриха IV.

Давай по порядку: «Рождённая флорой станет причиной её гибели». Здесь речь идёт о Габриэль д'Эстре, любовнице Генриха IV. Именно из-за неё король решил начать свой бракоразводный процесс с Маргаритой, брак с которой длился уже 17 лет. У Габриэль было трое

детей от короля, которых он узаконил, и собирался официально жениться на ней. Однако она умерла в 1599 году, её отравили. Фраза «рождённая флорой» указывает на мать Габриэль. Фамилия матери де ла Бурдезьер (Bourdaisiere). Есть такое растение – ломкая крушина (bourdaine фр.), именно поэтому Габриэль – рождённая Флорой. Кстати, в народе это растение называют «волчья ягода».

С этим мы разобрались, поехали дальше: «Некоторое время тому назад выпили молодая и старая». Скорее всего, имеется в виду, что Маргарита Валуа была королевой Франции лишь формально, так же как и Жанна Французская (жена Людовика XII, который добился развода с ней в 1499 году) и Мария Стюарт. Соответственно Жанна Французская – старая, а Мария Стюарт – молодая. Все эти три женщины должны были стать королевами Франции, но так и не были коронованы.

«Ибо три лилии поставят перед ней большую преграду» – ну, это понятно, это близкие родственники Маргариты Валуа: её мать Екатерина Медичи, и два брата – Карл IX и Генрих III. Надо сказать, что эту самую преграду они стали возводить ещё с юных лет красавице Маргарите. Когда у неё начался бурный роман с герцогом Гизом, король Карл IX и Екатерина запретили ей думать об этом браке, так как он усилил бы Гизов и повысил их шансы на престол. А дальше и мать, и брат Генрих пытались всячески образумить Маргариту, которая всегда имела много любовников, причём родные особо не церемонились. После Варфоломеевской ночи она провела какое-то время в качестве заложницы в Лувре. Потом Генрих III нанёс ей страшное оскорбление при дворе, а спустя некоторое время запер в замок Юсон. По его же распоряжению любовник Маргариты был казнён на её глазах. Екатерина Медичи исключила дочь из своего завещания и больше никогда не виделась с ней. Она называла Маргариту «мое несчастье» и «это существо».

«И она умрёт от своего дикого плотоядного плода», я думаю это тоже ясно. Всем известны её многочисленные любовные похождения, которые не прекратились и в конце жизни. Плотоядный плод – это похоть. Ну что же, сомнений не остаётся – Центурию 8, 18 катрен Нострадамус посвятил последней королеве рода Валуа – Маргарите.

– Только знаешь, что самое интересное? – спросил Генри.

Роберт пожал плечами:

– Нет.

– А то, что Нострадамус опубликовал эту центурию, когда Маргарите Валуа было всего лишь три года, будущему королю Генриху IV четыре, а Габриэль д'Эстре ещё не появилась на свет. А великий предсказатель ночью, в своём кабинете, написал катрен 18 из 8-ой центурии, который абсолютно точно повествует о судьбе последней, так и не коронованной королевы Франции из рода Валуа, Маргариты. Вот так. А некоторые говорят, что предвидения Нострадамуса просто выдумка... Мда... Ну, а теперь, – сказал Генри с азартом, – давай открывать заветные ларцы!

Он даже потирал руки от нетерпения.

– Какие ларцы? – недоумённо спросил Роберт.

– Ты действительно ничего не понял? – Генри смотрел на племянника с большим удивлением. – Роберт, оглянись вокруг! Если картина когда-то существовала, то она висела именно в этом кабинете. Я тебе даже подскажу, под панелью, на которой изображено... ну? – подталкивал Генри.

Роберт ещё не успел переварить столько информации: картина Леонардо да Винчи, Маргарита Валуа, Габриэль д'Эстре.

– Генри, извини, я ничего не понимаю. Где могла висеть картина?

– Роберт, па-не-ли, – произнёс он по слогам, как ребенку. – Посмотри вокруг. И потом ключик, который ты нашёл...

– Ты хочешь сказать, что этим ключом можно открыть панель и там внутри висит картина...?

– Может висеть, Роберт. Может! Вероятность очень мала и всё же она есть. Итак, поздравляю тебя – ты догадался. А теперь покажи мне нужную панель.

– Подожди, как я могу знать?

– Катрен Нострадамуса, – снисходительно подсказал Генри.

– Ты говорил волчья ягода?

– Да. Помнишь, как она выглядит?

– Чёрные такие ягоды, листья круглые, – задумчиво проговорил Роберт, обходя кабинет и всматриваясь в панели на стене.

– Генри, посмотри, эта?

– Да, молодец, – подтвердил дядя. – Кстати, обрати внимание, именно здесь и могла висеть картина. Панель находится на уровне глаз, освещение прекрасное – недалеко от окна, но так, что прямые лучи солнца не попадают. Всё очень продумано.

– Подожди, Генри, мы сейчас будем открывать панель, и там может висеть картина? – не унимался Роберт.

– Да, будем открывать и для этого нам понадобится лупа и очень острый и тонкий нож, – деловито подтвердил дядя. – Потому что был ремонт, панели покрывали лаком, и нам надо прорезать лаковую пленку.

И тут Генри, словно фокусник, вынул из кармана пиджака небольшую коробочку, в которой лежал тонкий нож.

– Роберт, дай-ка мне лупу, – скомандовал дядя.

Роберт поднёс дяде лупу и встал у него за спиной. Вдвоём они рассматривали сквозь увеличительное стекло старинную дубовую панель, на которой в правом нижнем углу было отчётливо видно маленькое отверстие для ключа. Генри очень аккуратно снял лак с замочной скважины, а потом провёл ножом по периметру панели.

– Давай ключик, – сказал деловито дядя, и Роберт кинулся к столу за ключом.

Взяв из рук Роберта ключ, Генри вставил его в отверстие. Тот вошел как влитой. Оба затаили дыхание, Генри сделал оборот, что-то еле слышно щёлкнуло, и он потянул панель на себя. Панель со скрипом открылась, и перед ними предстала большая, серебряная, потемневшая от времени роскошная рама, которая была... абсолютно пуста. Внутри неё белели старинные камни стены.

– Роберт, значит, она была! – воскликнул Генри.

– Картины нет, – в тот же момент уныло заявил Роберт.

– Нет, я глазам своим не верю. Картина самого Леонардо да Винчи висела здесь, – восторженно повторял дядя. – В это невозможно поверить!

– Генри, извини, пожалуйста, но чему ты так радуешься? Ведь никакой картины нет. Есть только пустая рама.

– Ты совершенно прав, мой мальчик, но рама указывает нам на то, что записи на полях письма – правда. Именно это самое главное, – восхищённо говорил Генри. – Значит, она была! Не просто картина, а картина самого Леонардо да Винчи. Кстати, сними раму, давай-ка её посмотрим.

Роберт снял раму и поднёс её к столу:

– Тяжёлая, – констатировал он.

Генри с лупой внимательно осмотрел ангелочков, искусно сделанных внизу рамы, прощупал стрелы, и провёл рукой по пыльной поверхности:

– Да, умели тогда делать красивые вещи, – сказал он.

– Генри, получается, что картина Леонардо да Винчи висела в этом замке, – стал рассуждать вслух Роберт, – причём о ней, кроме бывших владельцев, никто не знал. Но где она может быть сейчас?

– Да где угодно, – отозвался дядя. – А может быть, её уже и нет вовсе. Война и не такое перемалывала... Но, – Генри стал говорить очень энергично. – У нас есть шанс, и мы обязаны его использовать. В существование Трои тоже никто не верил, а тут сам Леонардо да Винчи. Надеюсь, тебе не надо объяснять, что такое картина Леонардо?

– Не надо. «Мадонну с веретеном», похищенную из частной коллекции в 2003 году, оценивали примерно в 60 миллионов долларов. – Роберт замолчал, размышляя, а потом спросил:

– Я что-то не пойму, на что мы можем надеяться? Если картина существует реально, это значит, что она хранится у кого-то. Какие-то люди знают, что у них есть неизвестная картина Леонардо да Винчи, за которую они получают огромную кучу денег, и, наверное, просто ждут, чтобы она ещё подросла в цене, так получается?

– Нет. Не совсем так, – возразил Генри. – Дело в том, что Леонардо да Винчи не подписывал своих полотен. Не спорю, на его картине «Дама с горностаем», которая находится в музее Кракова, сверху выведено Леонардо да Винчи, но насколько я знаю, это единственное полотно, на котором есть имя художника, и написано оно явно не самим Леонардо. Великий итальянец оставлял на своих полотнах знаки, например, взлетающая птица. В этом смысле очень примечательна история его картины «Дама с цветком», или «Мадонна Бенуа» из коллекции Эрмитажа – на ней, кстати, тоже есть этот знак. Так вот, это полотно купил у бродячих артистов купец Сапожников. Позже его внучка, которой картина досталась в приданное, вышла замуж за архитектора Леонтия Николаевича Бенуа. Леонтий посчитал, что это работа Леонардо да Винчи, и Александр Бенуа – младший брат Леонтия, художник и искусствовед, повёз её специально в Берлин, чтобы показать знаменитому Боду (это один из главных авторитетов по истории европейского искусства того времени, директор Государственных берлинских музеев). Посмотрев внимательно картину, тот сказал: «Нет! Это не Леонардо, но, возможно, что это произведение кого-нибудь из соучеников да Винчи по мастерской Вероккио». Потом Александр Бенуа отправил эту картину в Париж на реставрацию. Парижские искусствоведы также отрицали, что картина принадлежит кисти да Винчи. И только спустя 8 лет, в 1906 году, профессор Моллер Вальде, который видел эту картину в Берлине, на основании рисунков Леонардо да Винчи с уверенностью доказал, что «Мадонна Бенуа» является именно его произведением. Я тебе всё это рассказываю к тому, что подлинность установить не так-то легко, и поэтому если картина находится у дилетантов, они вряд ли догадываются, что она принадлежит самому да Винчи. Конечно, конечно, если полотно ещё существует.

– Генри, ну а другие письма? Может быть, отгадка скрыта в каком-нибудь из них? Смотри, вот тут тоже какой-то рисунок, – пытаюсь отыскать какую-то зацепку, стал допытываться Роберт у своего дяди.

– Я всё внимательно изучил, – вздохнув, ответил Генри. – Письма написаны женщиной. Ох уж эти женщины! Ни одной ценной детали, никакой исторической информации, ну как так можно писать?! Только платья на уме и любовь. Все четыре письма любовные. Ахи и вздохи по поводу, какой он красивый и как она его пылко любит, и какой де её муж тиран, да ещё указано место, где будет проходить очередное свидание. Наверное, её любовник вернул письма ей, когда они поссорились. Та схема, на которую ты указываешь, это модель рукава платья, которое ей очень понравилось. А другой рисунок – улица, где был лучший магазин духов в Берлине. Там действительно продавали духи, я проверил.

– Но как можно владеть картиной Леонардо да Винчи и никому об этом не говорить?

– Ты имеешь ввиду старых хозяев этого замка? Да, для нас это кажется странным, но мы же не знаем, какие у них в роду были предания, а кстати, заметь, замок всегда принад-

лежал только роду Кауфманов, передавался от отца к сыну и так далее. Может быть, считалось плохой приметой говорить кому-либо из посторонних о картине...

– И что мы теперь можем сделать? – не унимался Роберт. – Картины же нет!

Генри усмехнулся:

– На это я тебе возражу следующее... Пункт первый – мы обнаружили, что картина всё-таки была, и висела она именно за этой панелью, а это, поверь мне, многое значит, поскольку принадлежала она кисти самого Леонардо да Винчи. И дело здесь не столько в самой картине, а в том, что написана она была величайшим художником в последние годы жизни, а все искусствоведы считают, что Леонардо да Винчи во Франции новых полотен не писал. Дальше, пункт второй – это письма, которые ты нашёл в тайнике стола. Письма датированы началом XX – го века, соответственно и схема на полях нарисована в это же самое время. Скорее всего, картина благополучно висела здесь до того, как был убит владелец Эдуард Кауфман. Что стало с ней потом?

– Да, что же стало с картиной?

– Да всё что угодно! Её могли запросто уничтожить, увезти на край света, даже нарисовать поверх новую. Но, есть одно большое «но». Можно посмотреть на это и с другой стороны. Нам дали шанс, причём превосходный шанс. Ведь не каждый день ты находишь тайники, в которых есть указания на существование неизвестной картины Леонардо да Винчи?

– Конечно, не каждый, – озадаченно согласился Роберт, не понимая, к чему клонит дядя.

– Так вот, а мы нашли письма и убедились, что картина реально существовала и висела здесь. Поэтому мы должны сделать всё возможное, ... да и невозможное тоже. Давай не будем предполагать, что картина уничтожена, или что на ней написана другая. Это намного осложнит нашу задачу. Предположим, что картина где-то есть, только неизвестно где. Что бы ты сделал в этом случае?

– Не знаю, начал бы поиски. – И тут Роберт, оживившись, стал складывать в уме обрывки мозаики. – Значит, мы знаем точный размер картины – рама-то осталась. – Роберт посмотрел на Генри и почувствовал себя учеником, отвечающим учителю сложный урок, а учитель при этом активно кивал головой и подбадривал. – Также знаем, что, скорее всего, на ней изображена королева Клод...

– Да, да, – не выдержал Генри и стал продолжать сам. – Ещё нам известно, что это итальянская школа живописи, и нет сомнений, что картина написана с 1516 по 1519 год, даже по 1518, Леонардо умер в начале 1519 года.

– Хорошо. Но что нам это дает? – спросил Роберт.

– Пока ничего, – пожал плечами Генри. – Но надо искать. Я думаю, портретное сходство с королевой Клод Французской должно быть. Прежде всего, надо начать с частных коллекционеров. Я порасспрошу моего хорошего друга, знатока живописи, обо всех частных коллекциях. Потом надо обязательно покопаться в библиотеке и посмотреть полотна XV – XVI веков по всем музеям. Картина может находиться в любом городе в любой точке мира, и, скорее всего, приписана другому художнику, например, Липпи или Вероккио. Ну и ещё, если отпадут эти варианты, нам надо забросить удочки коллекционерам.

– Это как? – удивился Роберт.

– Надо дать знать в крупнейшие музеи мира и крупным коллекционерам, что мы ищем такую-то картину и готовы за неё заплатить хорошие деньги. И когда дилетант, у которого она может висеть, захочет свою картину продать и обратиться в музей за экспертизой, нас известят об этом первыми, за хорошие комиссионные, естественно.

Роберт задумался. Он даже не знал с чего начать такие масштабные поиски, а Генри тем временем смотрел в окно:

– Ну и красиво же здесь, чёрт побери! – воскликнул он.

– А я тебе что говорю! – подхватил Роберт. – Переезжай ко мне, будешь гулять по парку, пить чай в кабинете. А, Генри?

– А ты знаешь, мне кажется, ты прав, – неожиданно для Роберта, вдруг согласился дядя. – Давай-ка и вправду я поживу тут у тебя некоторое время, осмотрюсь. Конечно, если ты не против.

– Ты что, дядя?! Я буду очень рад! Так я дам завтра поручение шофёру съездить к тебе и привести кое-какие вещи?

Генри словно не слышал вопроса племянника и продолжал рассуждать вслух:

– Свою библиотеку я пока перевозить не буду, потом посмотрим. Ты говоришь, шофёр? Может, ты сам съездишь? Я тебе объясню, что надо взять.

– Конечно, конечно, Генри, – сиял Роберт. – Давай я завтра заеду и заберу всё, что ты скажешь. Так это же здорово!

В этот момент в дверь постучались:

– Герр Роберт, обед подан в столовой, – послышался из-за двери голос слуги.

Но не успел Роберт ответить, как Генри опередил его:

– Да, да, ступай, сейчас мы спустимся.

Роберт недоумённо посмотрел на дядю:

– Но почему ты не впустил слугу?

– Роберт, панель, – ревниво сказал Генри. Он уже схватил тяжелую раму и нёс её к стене.

– Давай-ка, помоги мне её повесить. Пойми, пока нам не стоит афишировать это удивительное место.

Роберт усмехнулся, взял из рук Генри раму и повесил её на стену. Потом он смотрел на то, как дядя запирает ключом потайное место, а затем аккуратно убирает письма и ключик в пакет.

– Пакет положи в тайник в столе, – дал указания Генри.

Роберт посмеивался про себя над такой излишней конспирацией, но спорить не стал. Он молча сложил всё в нужный ящика стола. Потом они покинули кабинет и спустились вниз, в столовую.

1517 год. Франция. Замок Амбуаз

Если смотреть вверх, кажется, их не было вовсе, этих... – даже страшно произнести цифру – шестидесяти лет, и что это не Франция, а горы родного Винчи. И как в детстве, светлой, лёгкой, стремительной волной его влечет туда, вверх, в голубую высь. Небо близко-близко, и как же хочется дотронуться до него!

«Подними руку, – слышит он внутри себя детский голос. – Не бойся, просто потянись вверх. И ты сможешь самыми кончиками пальцев коснуться небес...».

Но разум сильнее, и знания, в которые он с таким наслаждением погружался все эти годы, твердят: небо – это лишь игра света и отражения, а твоё безудержное с детства желание полёта, увы, несбыточно. И что самое горькое, он не может себе позволить, казалось бы, самую малость – вытянуть руку вверх. Он слишком стар, слишком известен, и вокруг слишком много чужих глаз.

Леонардо да Винчи стоит на высоком плато в замке Амбуаз. Далеко внизу течёт река Луара. За голубой гладью воды тёмные леса сменяются изумрудной зеленью полей, на которых красными пятнами разбросаны черепичные крыши крошечных домиков. А рядом, на вершине холма, раскинулся прекрасный сад, разбитый для короля Карла VIII его соотечественником Пачелло да Меркольяно. За садом возвышаются покои королей, апартаменты королевы, апартаменты «Вертю», массивные башни и галереи, а над всем этим великолепием, воздвигнутым стараниями выдающихся зодчих Франции и Италии, не менее восхитительное творение бога – голубой, бескрайний, совершенный небесный океан, по которому большими кораблями и маленькими прозрачными парусниками плывут белые облака.

Да Винчи ожидает королеву Франции, наследницу одного из самых больших состояний во всей Европе, владельницу Бретани и Милана, дочь Анны Бретонской и Людовика XII. Он обернулся, когда услышал позади шум. Её Величество приближалась к нему в сопровождении двух фрейлин. На Клод было надето простое чёрное платье с лифом из ткани, украшенной золотой нитью, и – что его поразило – не было ни одного украшения.

«Королева, знаете ли Вы, что роскошной свите Вашей матери, которая состояла более чем из трёхсот человек, завидовали все дворы Европы? Знаете ли Вы, что Анна Бретонская содержала её из своего личного состояния, и таких благородных, красивых и богато одетых дам и пажей не было ни при одном дворе? Известно ли Вам, что Ваша матушка обожала драгоценные камни, всегда держала при себе целый ларец и любила одаривать ими окружающих? А вся знать Франции обсуждала цвет её подвенечного платья, ведь платье было белым, и это при том, что белый цвет считался траурным и его носили только вдовы», – всё это Леонардо проговорил про себя. А юная Клод Французская, которой ещё не исполнилось семнадцати лет и которая уже полтора года являлась королевой огромного государства, улыбаясь, смотрела на да Винчи и ответ он прочел в её глазах: «Я всё это знаю, но не люблю богатство. Мне нужен покой и смирение».

Вслух же Клод сказала:

– Король Франциск, мой муж, говорил, что Вы желаете рисовать мой портрет.

– Да, это так, Ваше величество, – поклонился Леонардо.

– Что мне нужно делать?

– Пожалуйста, присядьте вот здесь. Просто сидите, а я буду писать.

Она села в приготовленное для неё кресло, а художник взял кисти, палитру и начал работать. Он накладывал тончайшие мазки и думал о том, какие они разные – король и королева Франции. Франциск – высокий, красивый, мужественный, сильный, властный, честолюбивый, настроенный только на победу; и она – женственная, хрупкая, изящная, не красавица, но очень

милая, и точно знающая, что иногда лучше уступить, чем идти напролом. И как же они оба молоды!

Трижды Леонардо просил у короля разрешения нарисовать портрет его жены, и всякий раз видел удивление монарха. Франциск молчал, а да Винчи чуть ли не впервые в своей жизни проявил настойчивость. Не желание написать последнюю прекрасную картину подстегивало его, нет. Не тщеславная мечта о следующем шедевре заставляла его просить снова и снова. Другое. Он был стар, и у него не было иллюзий. Сколько ему осталось: год, два, три? Но помимо холодного дыхания смерти, которое он ощущал всё чаще, в нём говорила душа. Как росток, который бессознательно, всеми своими силами устремляется к солнцу, его душа тянулась к свету, таща за собой отяжелевшие от времени чувства. Она, его душа, хотела побыть рядом с добрым, чистым, большим сердцем Клод. И уже он сам, как художник, мечтал выразить на доске с помощью кисти и красок её чистоту, любовь к миру, нарисовать смирение и такое совершенство духа, которого не было больше ни у кого из всего роскошного Французского двора.

Собственный маятник жизни толкал его вперёд, к свету, вытягивая из мрака, в котором он оказался по своей воле 15 лет назад...

В 1502 году бывший герцог Милана и бывший покровитель Леонардо да Винчи Людовико Сфорцо был занят тем, что расписывал эмблемами стены своей тюремной камеры во французском замке Лоше, а сам Леонардо в родной Италии искал другого, богатого и знатного господина, готового оплачивать его услуги. Его выбор пал на одного из самых влиятельных людей Италии и он, почти не задумываясь, предложил свои услуги... сыну дьявола.

Дьявол жил в прекрасном дворце. Его апартаменты включали анфиладу великолепных залов: зал сивилл, таинств веры, жития святых, зал наук и искусств, зал чудес веры, которые вели к роскошной зале понтификов, чьи стены украшали портреты пап.

Никто во всей Италии не мог соперничать с ним в могуществе. Ему принадлежала огромная территория: на севере, соседствующая с Венецианской Республикой, доходившая до берегов Адриатики, а на юге до земель Неаполитанского короля. Его наместники управляли многими городами, в том числе Орвиетой, Перуджей, Витербо, и даже независимые государства предпочитали не вступать с ним в конфликт и платили дань. Целая сеть агентов на местах верно служила ему, стараясь удовлетворить все его желания.

Дьявола звали Родриго Борджиа – папа Римский Александр VI. С 1492 года по 1503 Ватиканом правил дьявол.

Жизнь, впрочем, как и заповеди Христа, в это время не стоили ничего. Деньги, деньги, деньги и власть – вот главные ценности Его Святейшества.

24 кардинала в Священной коллегии, возраст которых должен быть старше 30 лет – именно так значилось в хартии, – только эти правила не для Борджиа. Он производит в кардинальский сан в 1493 году сразу двенадцать человек (среди которых юноша 15-ти лет), потом в 1500 году ещё двенадцать и в 1503 ещё девять.

А как ещё отблагодарить приближенных и угодить союзникам? Как продвинуть собственных детей и, конечно же, получить деньги?

От 100 000 до 130 000 дукатов – именно столько стоит произвести соискателя в кардинальский сан. И не удивительно, что число кардиналов росло, но по непонятным причинам (на всё воля Господа нашего! – любил говорить Родриго Борджиа) некоторые из них почти сразу умирали.

Имущество отбиралось у всех: у прелатов, умерших в Риме; у богатых купцов; евреев, над которыми повсеместно велись процессы для того, чтобы конфисковать, разорить, разграбить. Бесконечные интриги и борьба за власть, убийства, роскошные пиры и куртизанки, разврат, ложь, лицемерие, обман, жестокость, чревоугодие, алчность – всё это в изобилии присутствовало при дворе папы Александра VI.

Но его сын – Чезаре Борджиа, сумел в своих преступлениях переплюнуть даже отца. Когда Чезаре убил родного брата, у него не дрогнул ни один мускул. Его отец рыдал от отчаяния, но для него это было обычным делом.

В 1501 году младший Борджиа с помощью папских и французских солдат, отданных в его распоряжение Людовиком XII, прикрывшись идеей об единой Италии (на деле просто желающий удовлетворить своё честолюбие), начал разрушительный поход по Романье и Урбино.

Сколько кровавых преступлений, поражающих своей жестокостью! Сколько истерзанных и оскорблённых женщин; отравленных, ни в чём неповинных людей. Самые зверские расправы над побеждёнными, и всё это с абсолютно холодным сердцем и ясным умом. Если герцог Романьи (звание, которое он получил от отца) хотел чего-то добиться, он просто уничтожал всех, кто встречался на его пути. Зная об извращённой жестокости папского сына, жители некоторых городов сами в ужасе открывали ворота, сдавая свой город без боя. Пезаро, Форли, Римини, Имола, Чезена, Фаэнца уже завоеваны Борджиа, и, наконец, Чезаре подкрадывается к Флоренции.

К городу, породившего в XIV веке великого Данте, а в XV веке целую плеяду лучших живописцев и скульпторов Италии. К городу, в котором Леонардо обучался живописи в мастерской Верроккьо и создал свои первые шедевры. И в то время, когда все жители Флоренции трепещут перед семейством Борджиа, уже в открытую называя их дьяволами, да Винчи самолично предлагает свои услуги Чезаре Борджиа.

Сын дьявола, как оказалось, был молод, обходителен, обаятелен, начитан, эрудирован, и при этом безмерно жесток и циничен. В свою очередь Чезаре с радостью ухватился за талантливое гения, который прекрасно умел не только укреплять рвы и каналы, придумывать новые механизмы пушек и усовершенствовать старые оборонительные сооружения, но и устраивать пышные триумфы. Герцог Валентине, как теперь звался Борджиа, любил всяческие парады, празднества, оргийное веселье, пьяные пиры. И ещё, что было совсем немаловажным для папского сына, – гением можно было похвалиться, как красивой вещью.

Около года Леонардо да Винчи, наделенный неограниченными полномочиями от самого Борджиа, мотается по Романье, Тоскане, Умбрии, рисуя и применяя на практике новые орудия и системы укреплений. Ему хотелось показать свои способности в военной инженерии, и он с блеском доказывает их кровавому тирану.

Прославленный итальянец, которому уже исполнилось 50 лет, в феврале 1503 года сам покидает Чезаре Борджиа и возвращается во Флоренцию.

18 августа 1503 года по нелепой случайности умирает папа Римский Александр VI (хотел отравить трёх кардиналов, подмешав яд в вино, но перепутал бутылки и сам, вместе с сыном, выпил отраву). Сыну тогда удалось выкарабкаться, но смерть отца убила его мечту об единой могущественной Италии под властью папы, и жизнь свою он закончит четыре года спустя на чужбине.

А Леонардо вернулся в родной город и опять занялся живописью. Казалось бы, всё закончилось благополучно, но спустя некоторое время к нему пришло осознание того, что в нём что-то сломалось. Почти год он наблюдал в непосредственной близости могучего кровожадного зверя, рвавшего добычу и не знавшего жалости. Служил человеку, творившему беззакония, и чернота, которая сперва была вокруг него, постепенно стала проникать внутрь, отравляя не только его самого, но и его картины. Да Винчи боялся её...

Работая над портретом Клод Французской, Леонардо взял на кончик кисти крохотный кусочек охры, и вдруг на одно короткое мгновение почувствовал, как его окружила тьма. Он переждал, пока чернота исчезнет, посмотрел на голубое бескрайнее небо, а потом на королеву, которая о чём-то мило беседовала со своими фрейлинами.

«Я просто устал, ведь прошло уже около двух часов, – успокоил он самого себя. – Мне надо немного отдохнуть».

Передав кисть своему ученику, он вытер руки и сел в приготовленное для него кресло, стоящее рядом с креслом Клод. Выпив предложенной ему слугой воды, Леонардо попросил:

– Ваше Величество, расскажите, пожалуйста, о Вашей матушке, королеве Анне Бретонской.

Клод откликнулась сразу:

– Мама... – сказала она и замолчала, задумавшись.

Одно мгновение, но как изменились глаза королевы. В них появился огонь, блеск, увлеченность. И вдруг, как будто очнувшись, она спросила:

– А вы когда-нибудь видели океан?

Художник намеревался ответить, но Клод уже не слышала его, она рассказывала:

– Океан бескрайний. Он сливается с небом – темно-синее с голубым. В час заката солнце опускается и окрашивает в розовые, красные и оранжевые цвета воду и небо. Большой красный шар медленно ныряет в синь и плывет по волнам.

Океан огромен. Сильный, могущественный, притягивающий, он правит людьми. Не зная жалости, топит корабли и убивает молодых юношей и сильных мужей, застигнутых врасплох ужасным штормом, а иногда может и одарить сокровищем. Он так силен, что стирает скалы в песок.

А Вам известно, что такое прилив? Огромный напор воды поднимается с быстротой скачущей галопом лошади, а потом, внезапно, вода также быстро уходит вспять и оголяет морской берег, на котором остаётся много рыбы, водорослей и ракушек. И можно ходить по теплому песку, вдыхать соленый морской воздух и представлять себя в царстве Нептуна.

В Бретани огромные розовые скалы отвесно спускаются в океан – на закате солнца они выглядят богаче, чем все сокровища царя Соломона. Рядом зелёные долины, холмы и реки, сочные луга, покрытые цветочным ковром, и тут же бесконечные пески с пытающимися выжить в них тонкими стеблями лаванды. Там запах вереска смешивается с солёным запахом моря, и к шуму волн, бьющихся о скалы, прибавляется жужжание пчел.

Леса Бретани хранят тайны друидов. Крики сов, свист ветра, шелест листьев, и чёрные, огромные, разлапистые силуэты деревьев. В них живут добрые и злые волшебники, гномы, колдуньи, великаны, а по вечерам маленькие эльфы пляшут в тёмных чашах, и среди ночи можно увидеть огоньки от их крошечных свечей.

Больше всего на свете мама любила свою Родину и свой народ.

Кельты мужественны, добры и независимы. У них свой язык, свои обычаи и они не хотят никому подчиняться. Характер бретонцев полностью проявился в их музыке: яркой, сильной, одновременно страстной и печальной. В их песнях слышны порывы ветра и тоска женщин, постоянно ожидающих своих мужей и сыновей, ушедших в плавание; мольба к бескрайней стихии; нежность к зеленым лугам и восхищение красотой бескрайнего неба.

Моя мама родилась в Нанте. Тяжеловесная крепость с приземистыми башнями, огромные каменные стены, окружённые водой, внутри которых стоит изящный замок.

Когда маме было 11 лет, умер её отец, и она осталась одна. Необходимо было защищать свою родину от притязаний английского и французского королевств, и она и её окружение принимают решение срочно найти независимого жениха.

На её руку много претендентов, один из них – эрцгерцог Максимилиан Габсбург, будущий Император Священной Римской империи. Выбор падает на него. Обе стороны согласны, и когда герцогине Бретонской исполнилось 13 лет, был заключен заочный брак*.

Но недовольный этим союзом король Франции Карл VIII посылает свои войска против Бретани и покоряет большую часть бретонских городов. Анна вместе с верными ей подданными укрылась в столице, в замке города Ренн. Король осаждает Ренн. Но что может сделать

четырнадцатилетняя девочка вместе с плохо вооруженной армией против короля Франции, у которого прекрасное войско, превосходящее и по численности, а тем более по вооружению бретонцев? Карл VIII предлагает Анне сдаться – он сохранит жизнь её подданным, но взамен берёт её свободу. Герцогиня должна выйти за него замуж.

Конечно, Карла VIII более привлекала Бретань, но, требуя согласия на брак, он получал прекрасную жену и присоединял огромное владение к Франции. И Анне Бретонской не оставалось ничего другого, как согласиться. Ей надо было спасти свой народ.

6 декабря 1491 года в замке Ланже состоялось бракосочетание Анны и Карла VIII.

Так моя мама в первый раз стала королевой Франции. Но она лишилась самого дорогого – своей Родины.

Король запретил ей носить наследственный герцогский титул Бретани, запретил ездить в Бретань, но из её сердца он не смог её вычеркнуть.

Мама была хорошей женой. Она умела прощать и приучила себя с любовью относиться к мужу. Она тосковала по нему, когда тот отправлялся в многочисленные военные походы, и он платил ей нежностью. Но бог не благословил этот брак. Только первый сын Карл Орланд прожил три года, остальные дети рождались и тут же умирали. Мама часто вспоминала своего первенца, и говорила, что маленький ангел ждёт её на небесах. За 7 лет брака с Карлом она рожала семь раз и столько же раз хоронила своих детей. Это не могло не подорвать её здоровье – всё чаще она обращалась к лекарям. Но совершенно неожиданно, 7 апреля 1498 года, совсем молодой король ударился лбом о косяк низкой двери и спустя сутки умер. Ему было тогда 28 лет, и, как Вам известно, наследников у него не было.

Клод замолчала, осмотрелась вокруг и указала на галерею:

– Вы знаете, это было именно здесь, в замке Амбуаз, в галерее Акельбак.

Спустя минуту она продолжила свой рассказ:

– Да, мама больше всего любила Бретань. Уже через два дня после смерти мужа она восстановила канцелярию Бретани, а потом вернулась на Родину. Она приказала начать чеканку монеты со своим именем и объездила всю страну, и везде поданные с радостью встречали её. Каждый бретонец тогда надеялся на восстановление мощи любимой страны.

Герб Бретани, герб моей мамы и мой герб – горностаи. *Potius mori quam feodari** – какое большое значение в такой маленькой фразе!

А вскоре маму ждал новый брак. Она должна была выйти замуж за моего отца Людовика XII, и стать королевой Франции во второй раз.

Клод замолчала, и её глаза стали грустными. Да Винчи понял – продолжать свой рассказ она не будет, и знал почему – ей было больно об этом говорить. Отец Клод тогда был женат. Его женой была родная сестра короля Франции Карла VIII – Жанна Французская.

Двадцать лет просуществовал этот брак, и все двадцать лет жена до безумия любила своего мужа, а муж ненавидел жену. Да, горбатая и хромая Жанна не была привлекательна. Да, Людовика женили насильно, и на собственном свадебном пиру он лил слёзы, не стесняясь этого, но она-то, бедная добрая Жанна, как же она любила его!

Не отходя от постели Людовика во время его заболевания оспой, не боясь заразиться, она ухаживала за ним. Когда муж попал в плен, Жанна обращалась ко всем, кому только возможно, и лишь благодаря её стараниям он провёл в тюрьме всего три года. Но Людовик ничего этого не замечал, а Жанна ждала.

Сначала она ждала, что он обратит на неё внимание и хотя бы заметит её присутствие, потом ждала – пусть крошечной, но – благодарности за все свои старания и заботы... Нет, Людовик даже не хотел её видеть. Герцога Орлеанского постоянно окружали любовницы. А Жанна всё-таки дождалась. Но не любви, нет, а того, что после смерти её брата Людовик стал королём Франции. А что же теперь будет с ней? Ведь она должна стать королевой?!

Формально она королева и будет королевой ещё 8 месяцев, но лишь формально. Больше она не нужна собственному мужу. Людовик XII теперь мечтает о другой жене – молодой, красивой, способной родить наследника престола. А её, так и не коронованную Жанну Французскую, ждал развод и монастырь.

И всё же расторгнуть официальный брак, скреплённый церковью, причём брак высочайших особ, не так-то просто, но... В то время Ватиканом правил Борджиа, а он очень любил деньги.

Людовик заключает договор с Папой Римским – король Франции получит буллу, аннулирующую его брак с Жанной, а взамен сын Папы – Чезаре Борджиа, герцогство Валанское во Франции, со столицей Валентинуа.

Итак, дьявольское соглашение заключено. Соглашение действительно дьявольское, потому как бедной Жанне предстоит пройти ещё одно унижение. В церкви Сен-Гатьен в Туре Жанна Французская подверглась допросу об интимных отношениях в браке. Её муж утверждал, будто никогда не имел со своей женой супружеской связи, и Жанна встала перед выбором: или она соглашается с Людовиком и получает развод, или её ждёт проверка на непорочность. Она выбрала первое – королеве Франции не пристало терять достоинство, пусть всё останется на совести кардинала, папы Римского и её мужа...

В конце декабря 1498 года в город Шинон въехала великолепная процессия. Впереди сотни слуг вели мулов, на спинах которых стояли обитые красной тканью сундуки с вычеканенным гербом семьи Борджиа. Затем, восседая на прекрасном скакуне, копыта которого были подкованы золотом, следовал сам Чезаре Борджиа. На его шляпе красовался огромный бриллиант, шею украшала толстая золотая цепь, а камзол был расшит рубинами и изумрудами. Следом проехала сотня воинов, одетых в сверкающие на солнце кирасиры, и за каждой лошадью, накрытой попоной из красно-золотой парчи, ехал паж в малиновом бархате. Чезаре вёз королю Франции буллу, аннулирующую его брак.

Маленький французский городок никогда не видел столько богатства и роскоши разом. На Людовика XII это зрелище также произвело должное впечатление, – он одарил папского сына не только герцогством. Чезаре получил 2000 всадников и 6000 пехотинцев, двадцать тысяч луидоров и невесту королевской крови – дочь короля Наварры.

А что же бедная Жанна?

Бывший муж оставил ей герцогство Берри в лен. Так и не коронованная королева Франции основала в Бурже, куда переехала, орден Благовещения (орден аннунциаток), в который вступила сама, и где незадолго до смерти приняла обет.

Но... можно ли простить 20 лет унижения? Можно ли простить человека, которому из года в год она дарила любовь, внимание, заботу, и который отбросил её, как ненужную вещь?

Скорее всего, она простила, ведь Христос велел прощать даже самые страшные обиды. Жанна горячо молила Бога, но о чём, не знает никто...*

Сейчас Леонардо да Винчи чувствовал не только боль юной королевы за тот далекий поступок своего отца, но и страх. Клод боялась – у неё пока не было сына. А Франциск, её муж, молод, красив, силен, щедр и... безумно влюбчив. Многие красавицы Франции, привлечённые сиянием его молодости, знатностью и богатством, стремились к близости с ним в надежде на благосклонность монарха.

– Нельзя думать о плохом. – Да Винчи показалось, что он слышит эти слова королевы. Он повернулся – нет, конечно, она произнесла их про себя, но заметил, как Клод выпрямилась в своём кресле, её испуг ушел, а глаза вновь стали такими, как он любил – сияющими лаской и добротой.

Он тихо проговорил:

– Ваше величество, я уверен, у Вас ещё родится сын.

Клод внимательно посмотрела на него, а потом улыбнулась:

– Спасибо, – проговорила она.

А перед да Винчи возник точно такой же ласковый, добрый и нежный взгляд его матери. Нет, не сеньоры Альберы, жены отца, а его настоящей мамы – молодой крестьянки Катарини. Именно она его мать, не та богатая и чужая госпожа, а простая, красивая, любящая, искренняя Катарина. Катарина, подарившая ему жизнь, и сразу же выданная замуж за крестьянина, живущего в горной деревне.

Он, маленький, бежит по узкой тропинке прямо в объятие ласковых нежных рук. Мама обнимает его, крепко прижимается своей щекой к его светлой головке и целует в волосы. Всего несколько минут счастья, которого бедная Катарина ждала долгие годы, но счастья такого недолговечного. Опомнившись, она в испуге оглядывается, боясь чужих глаз – если об этой встрече станет известно отцу Леонардо, ей будет очень плохо. Хвала Господу, вокруг никого нет. Она берёт за руку своё родное дитя и ведет по узкой дороге, убегающей в горы.

– Пойдём, я покажу тебе что-то очень интересное, – говорит мама, и её голос теплой волной отзывается в груди мальчика.

Они быстро идут по узкой, извилистой тропе, поднимаясь всё выше и выше, до самой вершины хребта, переходят его и начинают спуск по другой стороне. Мама ловко обходит камни, держа сына за руку, и подсказывает ему, куда следует ставить ногу. Медленно и аккуратно, хватаясь за редкие кустики, они спускаются вниз. Леонардо вслушивается в шум мелких падающих камушков, выскочивших из-под сандалии, и, вертя головой по сторонам, успевает осмотреть незнакомое место. Они оказываются рядом с узким ручьём и дальше двигаются вдоль его течения.

– Смотри, видишь на той стороне большой камень? Нам туда, – говорит она.

Они пересекают ручей, ступая по ледяной воде, и подходят к пещере, вход в которую прикрывает камень. Мальчик, весь дрожа от холода, крепко-крепко сжимает теплую мамину руку. Вдвоём им удаётся лишь чуть-чуть отодвинуть тяжелый камень, но этого достаточно. Сначала мама, а потом сын, касаясь телом скользкой холодной поверхности, протискиваются за него и попадают в узкое темное помещение. В полной мгле Леонардо делает несколько шагов, и вскоре понимает, что его ноги наступают уже не в воду, а идут по твёрдой земле.

– Не бойся, – говорит Катарина и тянет сына за руку дальше внутрь.

Потом она выпускает его руку, и через мгновение в пещеру начинает проникать свет. Леонардо видит, как мама, поднявшись на высокую плиту, вынимает один за другим камни из свода камеры.

– На, возьми, сынок, – говорит она, передавая ему камни. – Положи рядом. Это я специально закрыла, чтобы никто не нашёл этого места.

Теперь, когда дневной свет попадает в помещение, мальчик может рассмотреть его. До сих пор, спустя 60 лет, перед его глазами очень чётко всплывает то видение.

Со всех сторон на него буквально обрушиваются необычайно яркие, несколько не поврежденные временем краски. Огромная медуза горгона, страшная, отталкивающая, с множеством шипящих клубящихся змей, пугает его. Он зажмуривается и крепко-крепко прижимается к маминой ноге. Но через некоторое время любопытство пересиливает страх, и Леонардо чуть-чуть приоткрывает глаза. Его взгляд падает на другую стену, а там, . . . там не страшно, там великолепно, прекрасно, завораживающе!

Мужчины и женщины сидят за столом, уставленным яствами. Их красивые правильные лица светятся радостью. Слепительно-яркие платья и туники: желтые, лиловые, красные, голубые, сшиты из тяжелых дорогих тканей и украшены золотым узором. Леонардо чувствует удовольствие этих людей от удавшегося пира, их безмятежность и торжество. Он читает их характеры: мужественность, величие и смелость мужей, гордость и преданность жен. Кажется,

что через минуту они – высокие, сильные, стройные сойдут со стены, начнут переговариваться на своём гортанном языке, послышатся звон посуды, рабы принесут дымящееся мясо...

– Сынок. Леонардо, – только сейчас он слышит голос матери, которая уже давно зовёт его. Катарина смеётся и протягивает ему какой-то свёрток:

– На, держи. Это я нашла здесь. Только никому не показывай. Спрячь где-нибудь. Хорошо?

– А что здесь, мама?

– Посмотри.

Он разворачивает грубую ткань и видит блеск золота. Перед ним лежит большая золотая пластина, на которой разбросаны в определенном порядке разные символы, а по углам мерцают красным светом великолепные камни. Он узнает солнце, луну, но помимо этого на ней с удивительным мастерством вырезаны другие непонятные знаки и буквы.

– Мама, что здесь написано? – спрашивает он.

– Я не знаю сынок, – говорит Катарина. – Я же не умею читать. Да и надписи здесь на другом, древнем языке. Когда ты вырастишь и выучишься наукам, ты всё поймешь.

– Я пойму?

– Да, да. Конечно сынок.

– Мама, а эти люди на стенах живые?

– Нет, они нарисованы. Их нарисовал древний художник давно-давно.

– А я смогу нарисовать так же красиво?

– Конечно, сможешь. Ты только учись.

Они вышли из пещеры, перешли ручей и стали подниматься вверх, на гору, туда, где небо было близко-близко. И Леонардо дал себе слово, что когда вырастет, обязательно вновь придёт сюда, спустится в пещеру, посмотрит на красивые лица древних людей, а после заберётся на вершину хребта, вытянет руку вверх и наверняка (ведь тогда он будет очень высоким) дотянется рукой до небес...

«Я так и не вернулся в то место, – с горечью подумал да Винчи, – Жаль...»

– Ваше величество, извините, – позвала Клод подошедшая фрейлина. – Вас ожидают.

Королева повернулась к художнику:

– Леонардо, Вы будете продолжать писать мой портрет?

– Да, Ваше величество. Конечно, если Вы не возражаете, – наклонил он голову.

– Я не возражаю. Тогда увидимся через несколько дней. Сейчас мне надо идти. До встречи.

– Я буду ждать Вашего приглашения.

Королева встала и направилась к замку, а художник дал указание своему ученику собрать краски и кисти. Пока тот тщательно промывал, обтирал и убирал кисти, Леонардо сидел в своём кресле, смотрел на безмятежное голубое небо и думал, что именно та гробница, показанная ему Катариной, предопределила всю его дальнейшую жизнь. Мама, сама того не ведая, указала ему путь...

Humanus sum possum errare falli et decipi. Я человек и могу ошибаться (перевод с латыни).

И была ночь, и звёзды, постепенно загораясь, озаряли чёрный небосвод отчужденно-холодным, неясным светом, а затем, разом пробудившись, вспыхнули десятками и сотнями на тёмном бесконечном пространстве. И наперекор времени года – был октябрь, вдруг качнувшись всем своим множеством, одним выверенным движением соединились в созвездия – чёткие, ясные, обведённые по контуру тончайшей линией. И не возникало более ни малейшего сомнения, что могучий орёл расправил свои звёздные крылья; застыла медведица –

ширококостная, сильная, приземистая; грациозный лебедь летит по чёрным волнам, а велико-родный лев приготовился к битве... И холодный серебряный свет лился от тонкого серпа луны и мириад звёзд, разбавляя мглу синим и дымчато-серым, освещая медленно идущего по дороге одинокого человека.

Он шел прочь. От зависти и злобы, от лжи; от слишком напыщенного и безвкусного блеска золота, брильянтов, жемчугов, рубинов, изумрудов, кои украшали не только руки, шеи, уши и в изобилии одежды как мужчин, так и женщин королевского двора, но и – что его не мало удивило – лошадей. Истина сию минуту была вокруг – в прекрасном сиянии настоящих драгоценных россыпей, в тихом дыхании ночного неба, в спокойствии, исходящим от потока вечности, льющегося на него. С каждым пройденным шагом, с каждой минутой он чувствовал, как очищается от наносного, лживого, непомерно чванливого роскошества, на которое смотрел последние четыре дня.

Сперва ему польстило, что ради него Екатерина – мать правящего короля Франции Карла IX, вдова Генриха II, включила небольшой городок Салон —де-Кро в программу путешествия по стране, которое она решила предпринять с целью знакомства молодого короля со своим подданством. Бесконечная вереница повозок королевского двора и придворных, нагруженных мебелью, коврами, картинами, гобеленами, арками, посудой и бесчисленными нарядами, покинула Париж 24 января 1564, и лишь к октябрю этот нескончаемый эскорт добрался до Прованса.

Встреча состоялась в замке неподалёку от Салона. Его препроводили в большой зал, где на троне сидела женщина, одетая в чёрное, величавая и сильная, а он... видимо, стал слишком стар. Сперва зарябило в глазах от разнообразия бархатов и шелков, слишком замысловатых причёсок и блеска драгоценностей, тут же гул голосов оглушил, не дав сосредоточиться, – и он растерялся. Молча стоял посередине огромной залы, не в силах что-либо произнести, обливаясь потом, это при том, что было довольно прохладно...

Мишель де Нотр Дам и Екатерина Медичи. За ней сила, богатство, власть, за ним... лишь мудрость. Прошло несколько минут, постепенно шум стих, и Нострадамус почувствовал на себе взгляды полусотни высших лиц Франции. Он обернулся. Думая, что увидит в глазах надежду, страх, в конце концов, любопытство, он внимательно всматривался в лица окружающих его влиятельных особ, но всё оказалось не так – превосходством и спесью светились их взгляды. У этих знатных мужей и дам не было сомнений, что пришедший старик – ныне модный при дворе предсказатель, из-за которого они, собственно, и приехали в столь никчёмный город, – явился сюда лишь для того, чтобы исполнить их взлелеянные мечты и желания...

И вдруг, окно распахнулось. И холодный ветер, растрепав причёски и качнув тяжёлые золотые серьги в ушах, ворвался в залу. Невидимая тень необъяснимой тяжестью опустилась на плечи присутствующих. Опустилась вместе с ясным пониманием того, что в этот момент истины не будут зачтены их родословные, наличие связей, количество золота и земель... ничего. На чаше весов лежало гораздо большее – судьба.

Нострадамус повернулся к королеве-матери. Он видел её просьбы к Всевышнему. Она молила о королевской короне для своего любимого третьего сына, мечтала о выгодном замужестве для дочерей, желала спокойствия и мира Франции. И ему ничего не оставалось, как начать свою речь. Он говорил долго, но не сказал... ничего, кроме множества общих, пустых, не выражающих ничего конкретного фраз. Понимая, что Екатерина будет разочарована, он всё же решил умолчать о главном. Слишком жестоким было бы сказать ей, матери, что жить её сыну, нынешнему королю, осталось не так долго. Что в его царствование кровь чёрной ночи затопит Париж, а правление её детей принесёт во Францию много крови, смуты, обнищание народа, гражданские войны и практически разделит страну на два лагеря. Конечно, он мог бы поведать ей, что её любимец Генрих всё-таки будет королём..., но следом пришлось бы пригвоздить её ремаркой – последним из династии Валуа.

Не того ждала Екатериной Медичи, и, конечно же, показала своё разочарование. А вот надежды Нострадамуса оправдались сполна. Это случилось на следующий день, когда он увидел веселого шустрого юношу из свиты короля. Этому чернокудрому мальчику было уготовано стать мудрым королём Франции, тем долгожданным правителем, который принесёт покой и мир в несчастную, залитую кровью страну. И тогда Нострадамус не стал сдерживать себя:

– Вы будете служить королю Франции и Наварры, – сказал он слугам Генриха Наваррского.

Пробыв лишь несколько дней в замке рядом с городом Салоном, Карл IX, королева-мать, принцы, принцессы, сотни знатных дворян, тысячи придворных, несколько тысяч слуг, несчётное число повозок и лошадей покинули маленький городок Прованса. А Нострадамус отправился обратно домой, его там ждали звёзды.

Всю жизнь Мишеля окружали звёзды. А он любил их, скучал по ним, как по своим детям, повторял их имена, знал расположение, блеск, силу и тайны. На звёзды он обожал смотреть с самого детства, а вот видения к нему пришли не сразу. Сперва он изучал латынь, греческий, древнееврейский языки, математику, астрономию, алхимию и более всего медицину. Он работал в папской библиотеке в Авиньоне над оккультными науками, прекрасно разбирался в символах Древнего Египта и Древней Греции, и он лечил.

В юности ему, трепетному, наивному, устремлённому, казалось, что почерпнутые им из множества мудрых книг знания сделают его выше болезней ниспосланных Господом. Он лелеял в себе эту мысль, думал, что в его силах исцелять больных, не раз доказывал это в жизни, и постепенно поднялся в своих чаяниях выше других людей... Он разбился о землю после того, как у него на руках от неизвестной болезни умерла жена и трое детей. Раздавленный, истерзанный горем, тогда он мечтал лишь об одном – умереть.

После Мишель долго странствовал. объездил Лотарингию, Нидерланды, Италию, а затем опять вернулся во Францию.

В 1546 году в Провансе он сумел одержать победу над страшной болезнью – лекарство, изготовленное им, помогало людям выжить. Он сделал то, что до него мало кому удавалось – победил чуму. А год спустя в маленьком городе Салоне поселился медик Мишель де Нотр-Дам. Вскоре у него появилась новая семья, потихоньку начала проходить боль от той страшной потери.

Смотря на небо, Нострадамус видел картины будущего. Образы, проплывающие перед ним, сулили мало хорошего: во многие страны придут новые правители – обманщики, не имеющие ни капли королевской крови, которые сместят законных королей; произойдут страшные сражения и убитых будет великое множество; он видел злость, насилие, смерть. А некоторые вещи Мишель просто не знал, как назвать: что за огромные летающие птицы, которые могут перевозить по воздуху людей? Что за телеги, едущие без лошади? И раз за разом к нему приходила одна и та же мысль: «Как величественно и прекрасно то, что сотворено Богом, а человек, забывая и нарушая данные ему заповеди, из года в год разрушает этот мир, созданный не им, но для него...».

Но прежде чем рассказать другим эти видения последующих годов, необходимо было их сокрыть, окутать безопасной пеленой, дабы не нанести вред человечеству.

Мишель часто говорил: «Я человек и могу ошибаться».

Ошибался ли он? Это неизвестно, потому что непостижимо измерить силу его дара. Тысячи людей пытались расшифровать и понять все его катрены, но тщетно: такое огромное количество умов оказалось бессильно перед одним талантом. До сих пор, спустя четыре с половиной столетия, не разгаданы все его предсказаний, но те немногие, расшифрованные потомками, поражают точностью предвидения.

1 июля 1566 года друг Нострадамуса Шавиньи Бонуа, прощаясь с ним вечером, как обычно, произнёс:

– Доброй ночи. Увидимся утром.

На что услышал:

– Вы меня не увидите в живых при восходе солнца.

Как всегда, Мишель Нострадамус был абсолютно прав...

2006 год. Германия

Прошел месяц после того, как Генри поселился в замке. Роберт перевёз из его квартиры два больших ящика с книгами и самые необходимые вещи, и дядя обосновался в светлой спальне, выходящей окнами на запад. Генри много гулял и старался с каждым днём проходить всё большее расстояние, он окреп физически и обязательно дважды в неделю просил племянника подбросить его до библиотеки, где проводил целый день, и вечером с ним же возвращался домой. Дядины восторги по поводу замка постепенно улеглись, но к удивлению Роберта, полностью не прекратились. Нет, нет, но иногда он раздражался долгой тирадой о неизвестном талантливейшем архитекторе и старых добрых мастерах, сотворивших эту, как выражался дядя, «архитектурную чаровницу».

Но самыми приятными в жизни двух холостяков стали вечера, которые они неизменно проводили в кабинете. Ожидаемые ими почти с самого утра, уютные, добрые, трогательные. Когда – в зависимости от настроения и погоды – заваривался ароматный крепкий чай и неторопливо пился из тонких изящных чашек вприкуску с печеньем, или потягивалось вино, а иногда из пузатых бокалов маленькими глотками отпивался коньяк; когда Роберт и Генри, сидя в глубоких креслах напротив окна, смотрели на солнце, ныряющее своими округлыми красными боками в зелень парка; на то, как птицы парят прямо перед окном и опускаются сумерки – сначала светло-серые, лёгкие, обволакивающие, потом вязко-сизые, и уже после быстро наливающиеся непроглядной мглой.

Им было приятно друг с другом о чём-то беседовать или просто молчать, и молчание это никогда не было тягостным здесь, в комнате, хранящей тайны прошлого, где мудрость и благородство словно источались великолепно расписанными панелями, окутывая присутствующих лёгкой вуалью спокойствия и неспешности...

Роберт часто удивлялся про себя тому, что только сейчас, на склоне жизни Генри, он понял, как им действительно хорошо и интересно друг с другом.

– Генри, я вот что хотел у тебя узнать, – как-то в один из таких вечеров, спросил он дядю. – Как ты догадался, что картина может висеть за панелью? Ведь до этого ты никогда не видел эту комнату.

– В этом не было ничего сложного, – пожал плечами дядя. – Во-первых, маленький ключик дал подсказку, а во-вторых, похожие панели есть в замке Блуа. Говорят, что за ними Екатерина Медичи прятала свои яды.

– Ну, а твои походы в библиотеку и в архив? Есть какие-то результаты?

– Ничего похожего на наш портрет я не нашёл. Пусто, – ответил задумчиво Генри. – С одной стороны, это хорошо – у нас есть шанс приобрести картину у любителя... Вот только как его вычислить? Остаётся только ждать, мой мальчик. Ждать и верить. Послушай, Роберт, – без какой – либо паузы произнёс дядя. – А не съездить ли тебе во Францию?

Вопрос был столь неожиданным, что Роберт сначала не понял:

– Мне съездить во Францию? Зачем?... Вообще то я был в Париже год назад, – стал объяснять он, – ходил в Лувр, музей Д'Орсе, был на Монмартре и даже в Мулен Руж. – Тут на лице Роберта сама собой появилась блаженная улыбка.

– Мулен Руж, это, конечно, хорошо, – сказал, усмехаясь, Генри. – Но теперь я тебе настоятельно советую посетить замки Луары, побывать в Бретани. В Париже сходи в Сент-Шапель, да и ещё обязательно музей Клюни... Какая там красавица с единорогом! – это лучше, чем твоё кабаре. Да, да, узнай поподробнее о наших четырёх королевах, побывай там, где они жили. Я дам тебе телефончик, и мой старинный друг Жан расскажет тебе много интересного. Поезжай, мой мальчик.

– Узнать про королев? Анна Бретонская, Клод Французская, Екатерина Медичи и Маргарита Валуа. Так, Генри?

– Да, именно так. Анна, Клод, Екатерина и Маргарита...

Свою поездку во Францию Роберт наметил на 15 октября. Накануне, как назло, навалилось много работы, и, приезжая домой уже ближе к полуночи, он с тоской оглядывал пустой открытый чемодан, который достал с антресоли ещё 10-го числа, принимал душ и шёл в постель. Вечером 14-го некоторые попытки собрать вещи он всё же предпринял и закинул в развернутую черную пасть пару джинс, рубашки и несколько смен белья, но идущий второй день затяжной дождь своей монотонностью вселял непоборимую сонливость, и как-то сама собой пришла в голову мысль: «Завтра вот встану пораньше и всё сложу...». И так эта догадка успокоила Роберта, так пришлась ему по душе, что он тут же перестал заниматься сборами и лёг спать.

Следующее утро представляло собой полную противоположность вчерашнему вялому вечеру. Началось оно в шесть утра по сигналу «тревога», и через пятнадцать минут на ноги были подняты все обитатели замка.

– Это очень хорошие путеводители по Франции, – дядя стоял перед Робертом в пижаме, держа в руках три толстые книги.

– Генри, почему такие тяжёлые? – удивился Роберт, взяв их в руку.

– Ничего, ничего, ты же на машине. Не сам потащишь.

– Термос и бутерброды уложены, – появился слуга.

– Зачем мне бутерброды и термос? Я могу перекусить в кафе по дороге, – недоумевал Роберт.

– Ну, знаете что!/? Здесь всё домашнее, а там совсем не понятно что, – отчего-то обиделся Михель.

– Не забудь положить тёплую куртку и носки.

– Обязательно возьмите с собой шарф!

– И запасные ботинки, вдруг промокнут ноги.

Понимая, что если он задержится ещё на пятнадцать минут, то количество «жизненно необходимых в поездке» вещей увеличится минимум в два раза и вряд ли уместится в его машине – понадобится скорее грузовик, Роберт проверил документы, схватил тот самый чемодан, в который накануне успел что-то покидать и, сбежав вниз, сел в машину. Ровно в шесть тридцать мерседес отъехал от замка.

Дождь, который не переставая лил в Мюнхене три последних дня, после трёхсот километров дороги остался позади, и с каждой остановкой Роберт чувствовал, что, в отличие от Баварии, где последние две недели стояла холодная и сырая погода, из Франции лето пока уходит не собиралось. То ли в этом была виновата её короткая девичья память, то ли дело состояло в первопричине большинства поступков на земле: в самом сильном и никем неоспариваемом факторе – назло (в данном случае назло осени), но лучи солнца продолжали приятно греть, ароматные розы по-прежнему благоухали, трава оставалась зелёной, и лишь ночами, будто устав, лето отступало на второй план и впускало лёгкий холод и сырой туман, тем самым напоминая о неизбежном. Да, мимолетно и обманчиво. Да, впереди обязательно будут морозы, дождь и мрак, но сейчас-то, в данный момент, можно нежиться и подставлять лицо солнцу, любоваться яркими красками и смотреть на тихо плывущие облака. И Роберт наслаждался, но иногда, вдруг, откуда-то накатывала тоска...

На следующий день Роберт уже был в бретонском Нанте – городе, в котором родилась первая интересующая его королева.

Бретань. Самобытная, вобравшая в себя историю и традиции, и, в отличие от других, по праву гордящаяся своей стариной, настоящей деревенской – истинной! – мудростью. Бре-

тань до сих пор, сотни лет спустя, чтит свою герцогиню. А Анна не только в течение всей жизни дарила любовь и заботу герцогству, постоянно стремилась туда (но при этом сколь часто не вольна была в своих желаниях), она и сердце своё завещала похоронить в Нанте – если не получилось быть вместе при жизни, так хотя бы после смерти не разлучаться!

В реликварии, сделанном из тонко выделанного золота и увенчанного короной из лилий и клевера, хранится сердце любимой бретонцами королевы. На нём выгравирована надпись:

«En ce petit vaisseau de fin or pur et munde
Repose ung plus grand cueur que oncque dame eut au munde
Anne fut le nom delle en France deux fois royne
Duchesse des Bretons royale et Souveraine».

«В этом маленьком сосуде из чистого золота
Покоится величайшее сердце, которого ни у какой дамы на свете не бывало;
Её имя было Анна, дважды королева Франции,
Герцогиня бретонцев, царственная и самовластная».

Как точно сказано – царственная и самовластная, а ещё умная, образованная, искушённая в политике, и не только в политике (надо иметь большое обаяние, чтобы заставить любить себя двух столь разных мужчин). Анна обожала всё красивое: драгоценные камни, гобелены, музыку, книги; учредила институт фрейлин, совершила паломничество по святым местам Бретани, заказала её три исторических описания, и до конца своей жизни с постоянным и неизменным упорством отстаивала её независимость. Она вела переговоры о браке Клод с наследником Испанской короны, но этот союз, к огромному огорчению Анны Бретонской, был расторгнут Людовиком XII.

Четыре дня пробыл Роберт Хайнц в Бретани, а затем направился в Амбуаз. Когда до замка оставалось, судя по навигатору, ещё пара километров, и Роберт плавно ввёл свой чёрный мерседес в крутой поворот на сером извилистом шоссе, ... тут же визг тормозов разрезал тишину сонной разморенной долины, а его машина, молниеносно миновав обочину (слава богу, это не был глубокий овраг), откашливаясь и отплевываясь, остановилась в мягкой, темно-коричневой, недавно распаханной земле. Роберт громко выругался, немного обождал, приходя в себя, и медленно – только бы не подвело сцепление! – вывел своего послушного зверя обратно на дорогу. И уже на гладкой ленте асфальта, отъехав метров на сто от этого второго – злополучного, не замеченного им – поворота, прижался к краю и встал.

Он не был неопытным водителем, но сегодня, как глупый юнец, открыв рот, вперив глаза... Неожиданно вдали перед ним явилось чудо: величественные огромные стены, над которыми в небе парил прекрасный замок. Восхитительный контраст приземистой силы и грациозной лёгкости, которому вторил контраст цвета: белые укрепления, темно-серые высокие крыши, окружённые зеленью деревьев, на фоне нежно-голубой бескрайней выси, а внизу, отчеркивая и подчеркивая – яркая синь Луары...

Минут десять Роберт не двигался с места. И если вначале он ещё продолжал ругать самого себя, то потом, быстро успокоившись (во-первых, во всём была виновата эта волшебная красота, явившаяся внезапно и заставившая его забыть обо всём; а во-вторых, хорошо то, что хорошо кончается), он принялся разглядывать замок. Налюбовавшись, повернул ключ зажигания и на максимально разрешенной скорости, теперь уже внимательно следя за трассой, поехал к Амбуазу.

Гостиницу, примостившуюся возле мощных каменных стен, нашёл быстро. Он поставил машину на стоянку и, не став даже вынимать вещи из багажника, направился к замку. Вверх, вверх, на высокое плато, выросшее над рекой, туда, где век пятнадцатый мановением труда, таланта и вкуса оставил изящные дворцы, построенные по приказу двух королей, двух мужей Анны Бретонской.

Прежде всего – экскурсия: неизменная часть его теперешней поездки, а после, уже самостоятельно, Роберт ещё раз неспешно осмотрел покои королей, прошёлся по залам, которые понравились ему больше всего, и заглянул в капеллу Сан-Убер. Покинув её, вышел на высокую террасу, расположенную над рекой, и... замер. От головокружительной близости неба, оказавшегося прямо перед его глазами, от чувства необычайного простора и лёгкости. Он парил, вознесённый природным утёсом над голубой лентой воды, над крошечными человечками и маленькими домиками, которые смотрелись с этой высоты милыми кукольными декорациями. Восторг, сродни детскому, охватил его и, как в мальчишеские годы, сперва задержав дыхание, он сделал глубокий медленный вдох... И вместе с прозрачным чистейшим воздухом пришло ясное осознание того, что где-то там, далеко-далеко внизу, у самого основания этих мощных стен, оставил он извечную суету этого мира.

Отсюда не хотелось уходить. Стоять и смотреть. На небесную тишь и пушистые белые облака, плывущие так близко; на спешащие куда-то воды Луары; на плавные линии горизонта и старинные здания, построенные с присущим тому времени безупречным чувством прекрасного. Ласковый ветер приятно овеивал лицо, взор наслаждался незабываемыми видами, и бессознательно – тогда не отдавая себе отчета, но позже, мысленно возвращаясь к этому дню – он почувствовал, что впитал сердцем гармонию этого священного места. Места, которое было облюбовано сначала галлами, а позже древними римлянами около двух тысяч лет назад.

Тогда же Роберт думал о времени. Об этой вечной невидимой субстанции, которая с удивительным хладнокровием перемалывает всё. И смерть короля Карла VIII, начавшего строительство замка Амбуаз; детство и правление Франциска I; страсти огромного королевского двора – влюблённость, интриги, состязания, яркие празднества, а потом... трупы повешенных, здесь же, на зубчатых стенах замка при Франциске II, и уже во времена Французской революции – уничтожение и разруху.

Годы внесли свои коррективы даже в смерть Леонардо да Винчи. Памятная плита в капелле Сан-Убер повествует нам о том, что великий живописец покоится под ней. Но так ли это? Кладбище, где когда-то был похоронен Леонардо, пришло в запустение, были разворованы не только плиты, но и крышки гробов. И когда в XIX веке озаботились созданием его могилы, наугад были выбраны останки из груды неопознанных костей – самый крупный череп, массивные кости... Поэтому кто лежит под плитой капеллы – неизвестно. И как точка, поставленная в конце длинной повести «история замка», после взлета, благосклонности королей, гугенотских войн и забвения, сегодняшняя умиротворенность, спокойствие и... красота, которую, как оказалось, время истребить было не в силах.

Роберт долго не уходил с террасы, боясь, что постигнутая им сегодня магия совершенства разрушится при одном его неловком движении. Потом, всё же решившись, осторожно сделал шаг..., нет, всё оставалось – и чувство покоя и внутренней лёгкости, ощущение счастья и полёта, и, взглянув ещё раз на долину, убедившись в том, что красота здесь, никуда не исчезла, он успокоился и направился гулять по парку.

Не замечая ни усталости, ни голода, не обратив внимания на то, как последние туристы покинули Амбуаз, и лишь внутренне обрадовавшись тишине, он обходил и исследовал каждый уголок. Осмотрев всё, опять вернулся на своё место, туда, где плато нависало над долиной и рекой, и в этот миг сотворённая господом праздничная феерия предстала перед его глазами – горизонт медленно превращался в огненно-жёлтую реку. Следом начали меняться краски, отливать розовым деревья и цветы, и, повернув голову, он увидел тень юной королевы, почти девочки, сидящей в кресле, а рядом с ней могучего старца, рисующего её портрет...

– Месье, мы закрываемся. Прошу Вас покинуть замок.

Роберт вздрогнул и удивлённо уставился на служительницу, говорившую ему на английском. Он не успел ничего ответить, как она повторила свою просьбу:

– Я во второй раз к Вам обращаюсь. Прошу Вас выйти.

Лишь тогда спохватился:

– Да, да. Я уйду.

Он вышел последним, а когда спустился вниз, в город, понял, что весь сегодняшний день, с самого утра, провёл в Амбуазе. «Ну что же, завтрашний день начну с Клу-Люсе», – решил он для себя.

Если Амбуаз это колосс, великий, неустрашимый, гордый, одетый в шикарный белый камзол, отороченный серым бархатом, то Клу-Люсе – его маленький верный паж. Когда-то Анна Бретонская любила наряжать своих пажей в красный роб с широкими рукавами, в разрезах которых выглядывала ярко-желтая подкладка, и в шапочки – токи с перьями тех же цветов. Клу-Люсе был сделан из красного и белого камня (красный с лица и белый с изнанки), двухэтажный, с высокой шапочкой – крышей, маленькими башенками, резьбой и крохотной террасой.

Внутри замка было довольно просторно и уютно. Здесь жил Леонардо, он поднимался по этим ступеням, спал в этой комнате, думал, писал, делал множество опытов, радовался и огорчался. Охват мысли гения просто огромен. Прошло почти 500 лет, за эти годы сделаны тысячи открытий и изобретений, появились абсолютно новые материалы и технологии, но до сих пор тайны великого да Винчи манят своей загадкой...

Январь 1517 года. Замок Клу-Люсе

За окном гремит гром.

Леонардо да Винчи сидит в большом кресле, стоящем в глубине комнаты, и, кутаясь в тёплое одеяло, думает лишь об одном – поскорее бы кончилась эта гроза. Так же, как в детстве, он безумно боится громовых раскатов...

У него необычные пристрастия – он считает совершенством всё, что создано природой: животных, птиц, травы, деревья, реки, горы, моря; ему нравятся страшные, отпугивающие лица людей; доставляет удовольствие смотреть на казнь, но он не переносит пения монахов, звона колоколов, крика младенцев, и боится грозы.

Часы пробили полночь, однако Леонардо не покидает своего кабинета и не хочет зажигать свет. Он ожидает гостей.

Вчера в Амбуазе состоялось посвящение дворян в рыцари ордена Архангела Михаила. После того, как новообращенным вручили орденские цепи, во дворе замка были организованы состязания – схватка льва с тремя огромными сторожевыми псами. В этой схватке победили, отчего-то, псы. Их пришлось оттащить от льва, чтобы те его не разорвали. И уже после этой сомнительной победы какой-то незнакомой паж передал Леонардо записку на языке посвящённых. В ней говорилось, чтобы сегодня в полночь он не спал – к нему придут с визитом.

За долгие годы своей жизни да Винчи прекрасно научился понимать и использовать язык птиц. Много лет назад случайное знакомство с бродячими артистами открыло ему, юноше, делавшему свои первые шаги в мастерской Андреа Верроккьо, дверь в мир древних книг, тайн и ошеломляющих знаний ордена гульярдов. Привлекали Леонардо не столько доктрины этого общества, сколько старинные манускрипты с востока и записи древних греков. Тогда, в благодарность менестрелям, он подарил им одну из своих Мадонн и до сих пор, уже более полувека, был бесконечно признателен тем случайно встреченным бродягам за пропуск в мир сыновей Гуля. Он не сомневался – Мадонна окупилась сполна.

После той встречи Леонардо начал писать в зеркальном отражении. А с годами, невольно, сам не замечая этого, всё чаще в своих трудах стал переходить на язык посвящённых, упуская гласные и соединяя слова...

Сколько прекрасных знаний таили в себе те книги, и тогда, в молодости, ему казалось, что перед ним как на ладони раскрыто множество притягательных загадок, ведь ему известен язык тайнописи. Но когда он познакомился с этими манускриптами, понял – увы, многое было уже взято до него.

«Видя, что я не могу выбрать для изучения большой пользы, большого удовольствия, потому что люди, до меня рожденные, захватили для себя все полезные и необходимые темы, я поступлю так, как тот, кто по бедности своей, последним приходит на базар. Не имея возможности удовлетворить себя никаким иным способом, он забирает всё то, что другие видели и не избрали, а отвергли как малозначительное. Я возложу на себя эту легковесную ношу из товаров, пренебреженных и отвергнутых многими покупателями, и пойду с нею не по большим городам, но по бедным деревушкам, распродавая товар за такую цену, какая ему подбает».

И да Винчи не просто воспользовался теми знаниями, которыми почти все пренебрегали, он как будто заново узнавал их, ставя под сомнение всё прочитанное, перепроверя каждый постулат, потому что: «опыт никогда не ошибается, ошибочными бывают наши суждения, заставляющие нас ждать от опыта таких явлений, которые он не дает».

Пятьдесят лет да Винчи ежедневно ставил эксперименты, изучал, думал, и на фундаменте из открытий, сделанных древними учеными, создал множество нового, не изведенного ранее...

Как там у гульбардов: цель – стремиться к невозможному. Он, Леонардо да Винчи, многого достиг, добиваясь этой цели.

Сидя в тёмной комнате замка, отданного в его распоряжение королём Франции, Леонардо ждал. Не зная, кто к нему должен придти, он прекрасно понимал, за чем придут эти люди. И тогда, увы, он будет вынужден отдать им то, что представляет для него очень большую ценность...

Пять лет назад войска объединенных сил Венеции, Рима, Швейцарии и Испании освободили Милан от солдат французского короля Людовика XII. Вокруг ликование, триумф победителей, веселье, но только не для Леонардо да Винчи. Казалось бы, он тоже должен радоваться вместе со всеми – именно они, эти французские солдаты, превратили в решето его глиняную модель конной статуи Сфорца, над которой он работал без малого 16 лет, но в 1512 году итальянца Леонардо уже мало заботила эта, так никогда и не оконченная им, огромная статуя. На карту было поставлено гораздо большее – его дальнейшая жизнь.

Шесть лет он провёл на службе у наместника Французского короля в Милане – Шарля Д» Амбуаза, шесть лет получал хорошее жалование и занимался в своё удовольствие наукой. Более того, именно французы помогли ему решить такие щекотливые вопросы, как наследство и выполнение обязательств перед Флорентийской республикой. (Получив задаток за картину «Битва при Ангиари», да Винчи не выполнил условий договора – краски на стене потекли и картина не была окончена. А флорентинцы обязывали великого мастера либо вернуть задаток, либо переписать картину заново). И вот в одно мгновение, вместе с уходом французских солдат, почтенная старость для великого художника и исследователя оказалась лишь призрачным видением.

А да Винчи уже шестьдесят. Он не тридцатилетний молодой человек, который, покинув Флоренцию, едет на службу в Милан. Ему не сорок семь лет, когда он, лишившись своего покровителя Лодовико Сфорца, возвращается из завоеванного французами Милана обратно на Родину. Ему шестьдесят. А за плечами не совсем безупречный для итальянца багаж прошлого: пышные приемы, устроенные французскому королю-завоевателю Людовику XII, служба у его наместника – Шарля Д» Амбуаза; служение Чезаре Борджиа – папскому сыну, а по совместительству дьяволу; так и не отлитая конная статуя, неудавшийся эксперимент с красками «Битвы при Ангиари». Но самое печальное то, что на небосводе славы о нём забыли. Уже давно прошла эйфория от его «Тайной вечери», стёрлась из памяти небывалая известность, которую принесла Леонардо его гигантская модель коня, и жители Флоренции больше не толпились перед выставленными полотнами мастера. Теперь в Италии другие кумиры: у всех на устах Микеланджело и Рафаэль.

В 1513 году уже пожилой да Винчи идёт на поклон к папе Льву X (Джованни Медичи, сыну Лоренцо Великолепного). Тот помог – Леонардо переехал в Бельведер и стал получать... целых 33 дуката в месяц, в то время как мальчишке Рафаэлю за его работы платили тысячи дукатов. И всё же Леонардо из Винчи никогда не прекращает своей деятельности. Он изучает, ставит опыты, рисует наброски и картины, и... не оставляет попыток найти более могущественного и щедрого покровителя. Задействовав все свои связи, он пообещал самый главный труд своей жизни в обмен на поддержку короля Франции.

Этот труд был для него как выпестованный, долгожданный ребёнок для матери, но поскольку Леонардо не любил маленьких детей, то для него эта работа сопоставима с великим произведением искусства. Подобно тому, как талантливый скульптор случайно натывается на, казалось бы, совсем обыкновенный кусок мрамора, так и Леонардо когда-то давно заинтересовался старинным текстом. На этот древнегреческий манускрипт мало кто обращал внимания, потому как знания, содержащиеся в нём, не лежали на поверхности. А он интуитивно почувствовал – это то, что ему нужно. Так же как художник кропотливо, не торопясь, начинает очищать, обтачивать кусок мрамора, так и Леонардо тщательно, дотошно, постоянно воз-

вращаясь, перечитывая и вникая заново, стал изучать этот документ. Подобно гению скульптуры, любующемуся на нежное разнообразие прожилок редкого сорта мрамора, на его оттенки и игру света, он вникал в переливающиеся грани знаний. А дальше, ... дальше была чисто его работа. Он мог забросить этот манускрипт, как забрасывают мрамор, мог забыть. Но нет, день за днём он перечитывал, ставил опыты, моделировал, и когда догадался соединить то, что изложено в древнем тексте, с этрусской пластиной, которую подарила ему Катарина в далёком детстве, то понял, что её подарок и есть ключ, отпирающий многое. Леонардо сделал восхитительную цельную вещь, создал стройную, законченную систему, позволяющую видеть во времени на десятилетия, и даже столетия вперёд. И вот сейчас он должен всё это отдать?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.